

Лора Бальс

Здесь я

устанавливаю правила

18+

Лора Бальс

Здесь я устанавливаю правила

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Лора Бальс

Здесь я устанавливаю правила / Лора Бальс — «ЛитРес:
Самиздат», 2019

Инга хотела добиться справедливости и отомстить за смерть отца, но оказалась пленницей в доме человека, которого винит в постигших её семью бедах. Что ж, под одной крышей с врагом легче узнать его слабости. Но как строить планы мести, если в чудовище вдруг начинаешь видеть человека? И как противиться голосу сердца, если даже разум запутался и молчит?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	38
Глава 11	41
Глава 12	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Пролог

Усталый немолодой следователь с досадой повертел в руках несколько листов бумаги, исписанных мелким убористым почерком. Ещё раз просмотрев написанное, поморщился и решительно потянулся к телефону.

– Слушай, мы так не договаривались, – не тратя времени на приветствия, заговорил он, когда на том конце сняли трубку. – Ты говорил, что от родни проблем не будет, а ко мне сейчас приходила Зеленцова. Устроила скандал в кабинете, грозилась пройти по всем инстанциям, но добиться серьёзного расследования. Сейчас требует эксгумацию и независимую экспертизу. Она серьёзно настроена.

– Зеленцова? – собеседник хохотнул, будто услышал что-то по-настоящему забавное. – Ну и кто её станет слушать? Она ж бухает всё время, даже на похоронах шаталась. Проспится и вообще забудет, куда ходила и чего хотела.

– Да не старшая! Дочка. Инга Арсеньевна Зеленцова, девятнадцать лет. Между прочим, учится на юридическом.

Теперь собеседник помолчал, обдумывая услышанное.

– Ясно, – наконец обронил он. В голосе явно слышалось недовольство. – Делай, как договаривались. С девчонкой я разберусь.

Глава 1

Инга брела по улице, не обращая внимания на мелкий осенний дождь, даже не подумав о том, что можно взять такси или хотя бы достать зонтик. Домой возвращаться не хотелось. Хотя, если признаться честно, сейчас в мире вообще не нашлось бы места, где она хотела бы оказаться.

Инга чувствовала себя опустошённой и несчастной. Две недели назад погиб её отец. Точнее, считалось, что погиб – сама девушка ни на мгновение не поверила в случайность произошедшего. Но сразу, в тот ужасный день, она была слишком оглушена случившимся, чтобы связно отвечать на вопросы следователя. Они с матерью обе могли лишь бессмысленно кивать и на любую реплику бормотать неразборчивое «не знаю», «не помню», «может быть»...

Зато теперь, когда к ней вернулась способность связно мыслить, Инга была уверена, что может не только назвать виновника, но и предъявить доказательства его вины.

Следователь отнёсся к её приходу без энтузиазма. Наверное, после первого разговора считал её глупой и бесполезной. Впрочем, она и сейчас вела себя не лучшим образом. Когда следователь не выказал должного интереса к её словам, занервничала, начала угрожать высшими инстанциями. Наверное, это было глупо. Теперь он наверняка считает её истеричкой, которую точно нечего воспринимать всерьёз. Но её показания он всё-таки записал и теперь должен будет их проверить.

Инга понимала, что поимка убийцы не вернёт ей отца, но именно мысли о возмездии помогали ей держаться на плаву все последние дни. Мать и раньше любила выпить, а после смерти отца девушка вообще ни разу не видела её вменяемой. Инга понимала, что осталась по сути одна и скоро ей придётся заботиться о более насущных проблемах – где взять деньги на квартплату, что поесть и как оплатить учёбу. Однако сейчас в ней жила только дикая первобытная жажда ответить ударом на удар, отомстить, растоптать того, кто разрушил её мир.

Погружённая в свои мысли, девушка даже не заметила, как рядом с ней притормозила чья-то машина. Только когда грубые сильные руки подхватили её, отрывая от земли, Инга дико завопила, но было уже поздно.

«Так не бывает! – промелькнула у неё в голове отчаянная надежда. – Мы ведь почти в центре города, сейчас день... Да, тут под аркой редко встречаются прохожие, но этого ведь нельзя знать заранее!»

В бесплодной попытке освободиться она лягнула ногами воздух, но не сумела задеть хотя бы одного из похитителей, зато тут же получила увесистую затрещину.

– У тебя есть выбор, девочка, ехать здесь или в багажнике, – раздражённо оповестил бандит, впихнув её в салон.

Машина тут же рванула с места.

Решив, что угроза была явно не пустым звуком, Инга затихла. В голове начали всплывать новые вопросы. Почему похитители не постарались скрыть от неё лица? Почему ей не завязали глаза и позволяют смотреть в окно? Опыт, почерпнутый из многочисленных детективов, подсказывал, что это может означать только одно – назад она больше не вернётся.

Инга не сомневалась, что похищение связано с её походом к следователю. Внезапно эта догадка подействовала успокаивающе – она ведь успела рассказать всё, что может быть важным. Её исчезновение, конечно, не останется незамеченным, и полиция быстро разберётся, где её искать.

Машина въехала во двор, и массивные металлические ворота сразу же закрылись. Инга невольно поёжилась, глядя на сплошной трёхметровый забор, огораживающий участок. Не успела она как следует оглядеться, как дверца распахнулась.

– Вылезай, – предложил ей всё тот же мужчина, который предлагал прокатиться в багажнике.

Инга понимала, что бессмысленное упрямство ни к чему не приведёт, но всё же не двинулась с места.

– Или ты идёшь сама, или я тащу тебя волоком по земле, – вполне миролюбиво обрисовал ей перспективы похититель.

– Я смотрю, у меня сегодня уйма дивных альтернатив, – нервно хохотнула Инга. – Просто разрываюсь – что выбрать?

Не став дожидаться реакции бандита, она всё же вышла из машины.

Дом, куда её привели, не был похож на бандитское логово. По крайней мере, на то, каким его представляла сама Инга. Здесь не было бросающейся в глаза роскоши, не было позолоты, тяжёлых бронзовых люстр и бордовых драпировок. Мебель нежных кремовых оттенков, много свободного пространства, большие окна, красиво обрамлённые лёгкими салатовыми занавесками. Пожалуй, при других обстоятельствах она даже могла бы назвать гостиную уютной.

Увлёкшись созерцанием, Инга не сразу заметила, как на пороге появился хозяин дома. Элегантный темноволосый мужчина с небольшой проседью на висках разглядывал её с непонятной полуулыбкой, как оригинальный музейный экспонат.

– Значит, это и есть настырная маленькая инфанта, – произнёс он в пространство. – Тебе явно повезло с цветом глаз.

– Почему это? – невольно проявила любопытство не ожидавшая такого начала девушка.

– Будь их оттенок чуть теплее, и ты уже не смогла бы замораживать меня взглядом, как пытаешься сделать сейчас, – с той же раздражающей усмешкой пояснил мужчина.

– Тогда я метала бы ими молнии, – едко парировала Инга.

Хозяин дома не выглядел беспринципным и бесчувственным злодеем, и это пробуждало невольную храбрость, хотя умом девушка понимала, что его маска ничего не значит.

– Похищение человека, совершённое группой лиц по предварительному сговору, карается лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет. Статья сто двадцать шестая Уголовного кодекса нашей славной федерации, – жизнерадостно оповестила Инга. Первый шок и ужас прошли, и теперь её охватывала нездоровая истерическая весёлость. – Лицо, добровольно освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления. У вас ещё есть шанс, а!

Мужчина наконец отлепился от дверного косяка и демонстративно три раза хлопнул в ладоши.

– Bravo. Я впечатлён. А сейчас хватит валять дурака, – голос зазвучал неожиданно жёстче, и Инга вздрогнула, с новой силой осознав серьёзность своего положения. – Садись. Нам есть о чём поговорить.

Глава 2

Феликс Ветров внимательно изучал сидящую напротив девушку. Он знал, что на многих, особенно на впечатлительных натур, долгое молчание в сочетании с холодным пристальным взглядом действует ничуть не хуже прямых угроз. Человек начинает теряться в догадках, какая судьба ему уготована, воображение оживляет все самые сильные страхи.

Но сейчас Ветров не только хотел довести потенциальную жертву до нужного состояния. Ему на самом деле было интересно, что представляет собой девчонка. Он всегда хорошо разбирался в людях и не привык, чтобы первое впечатление о ком-нибудь оказалось обманчивым. Однако, похоже, с дочкой Зеленцова получилось именно так.

Он видел девчонку несколько раз мельком – её отец ещё недавно был управляющим одного из его закрытых клубов, а Ветров предпочитал знать о своих сотрудниках всё. При первом взгляде Зеленцова-младшая не показалась ему хоть сколько-нибудь заслуживающей внимания. Спокойная, скромная девушка, без сомнений отличница и тихоня – из тех, кто не доставляет проблем ни родителям, ни впоследствии мужу. Красивая, но и только – без яркого характера, без «изюминки».

И вот сейчас эта тихоня упрямо не отводила глаз, словно до сих пор считала, что способна ему противостоять. Если бы не судорожно стиснутые в очевидной попытке спрятать нервную дрожь пальцы, можно было бы подумать, что она вообще не испытывает страха.

Ветров не любил ошибаться, и сейчас ощутил досаду, направленную скорее на самого себя. Почему он решил, что у девчонки нет характера? Неужели обманчивое впечатление сложилось только из-за холодного типа внешности? Действительно, светло-серые, почти бесцветные глаза Инги, вызывающие ассоциации с многовековыми ледниками, с трудом позволяли заподозрить в ней наличие темперамента. Изящная тонкая фигура, светлые волосы и бледная – так, что под ней ясно видны прожилки вен – кожа придавали ей вид хрупкий и беззащитный, что тоже мешало сразу разглядеть в девчонке воительницу, способную отстаивать свои интересы.

Всё это объясняло ошибку, но не оправдывало её. И уж точно не давало ответа на вопрос, как поступить с Зеленцовой теперь. Что-то подсказывало Ветрову, что самые простые способы – запугать или подкупить – здесь могут не сработать.

Конечно, в его силах было избавиться от девчонки раз и навсегда. Причём сделать это можно было даже с выгодой для себя. Сам Ветров считал любое насилие крайней и исключительной мерой и предпочитал, чтобы все сотрудники работали на него на добровольной основе, однако среди его знакомых водились люди, которые были далеки от такой шепетильности.

Не было ничего сложного в том, чтобы продать девчонку в подпольный бордель, откуда она никогда не смогла бы сбежать и где её никто бы не отыскал. Однако что-то удерживало его от того, чтобы окончательно склониться к такому решению.

Несмотря на тесные связи с криминальным миром и далёкие от законных способы заработка, Феликс Ветров был человеком с принципами. И одним из его принципов было не втягивать в деловые разборки не причастных к этому лиц. Неудачливых конкурентов и провинившихся сотрудников могла ждать самая жестокая расправа, но их семьи всегда оставались для Ветрова неприкосновенными.

Вторым принципом было то, что он сам определял короткой ёмкой фразой – «Я не воюю с детьми». Феликс мог, а иногда даже и любил потягаться с серьёзным противником, но если кто-то переходил ему дорогу случайно, по глупости, он предпочитал проучить выскочку легко, «щёлкнуть по носу», но не портить жизнь.

Конечно, случай с Зеленцовой был другим. Она сама влезла не в своё дело и не поняла ошибки. Она сама была бы виновата в обрушившихся на её голову несчастьях. И всё же, глядя на упорно пытающуюся храбриться девушку, Ветров решил не спешить.

– Ты оказалась беспокойным существом, – заметил он, окончательно поняв, что игра в гляделки не принесёт желаемого результата. – Чего ты думала добиться своим походом в полицию?

– А вы не догадываетесь? – несмотря на своё неприглядное положение, девчонка даже попыталась добавить в голос иронии.

– Неужели ты всерьёз полагала, что можешь доставить мне неприятности? – хмыкнул с демонстративным пренебрежением, рассчитывая пошатнуть её самоуверенность.

– А вы полагаете, что не могу? Тогда почему я здесь? – ещё сильнее стиснув руки, так что костяшки пальцев побелели, парировала Зеленцова.

Феликс мог только догадываться, каких усилий ей стоило сохранять видимость самообладания, но голос девушки звучал по-прежнему ровно.

– Ты здесь потому, что я предпочитаю разбираться с мелкими недоразумениями сразу по ходу их возникновения.

– Недоразумение... – глухо повторила девчонка, и в льдистых глазах сверкнула настоящая, ничем не разбавленная ненависть. – Значит, желание наказать убийцу отца – для вас недоразумение? А само убийство, наверное, и вовсе пустяк?!

– Девочка, я понимаю твоё горе, но следствие склоняется к версии о несчастном случае, – усмехнулся Ветров. – И ты напрасно решила, что те домыслы, которые ты громко называешь доказательствами, могут что-то изменить.

– Домыслы?! – девчонка явно готова была вспылить, но резко осеклась, до конца осознав смысл услышанного. – Откуда вы знаете, что именно я говорила следователю?

– Догадайся. Ты же умная. Вариантов не так много, правда?

Потрясение, написанное на лице девчонки, его позабавило. Она явно не могла поверить, что информация просочилась от самого следователя и тот, вместо того чтобы распутывать дело, по сути отдал нежданную свидетельницу ему на растерзание.

– Станислав Андреевич мой давний приятель, и тоже не любит недоразумений, – добавил Феликс, окончательно разбивая её сомнения.

– Вы чудовище... – потерянно пробормотала девчонка.

Ветров удовлетворённо кивнул. Переход к оскорблениям говорил о том, что та наконец осознала своё бессилие. Ещё не желает с этим смириться, но уже поняла, что сделать ничего не сможет.

– Я всё равно этого так не оставлю, – вскинулась Зеленцова, взяв себя в руки, чем снова его удивила. – Я знаю, что это вы убили папу, и если я не сумею этого доказать, я отомщу по-другому. Я понимаю, что сейчас вам смешно это слышать. Я в вашем доме, в вашей власти, вы можете убить и меня тоже, но тогда вам точно не отвертеться от подозрений. Всё, что я рассказала следователю, записано в моём дневнике, и я передала его на хранение надёжному человеку. Как только со мной что-то случится, эти сведения всё равно выплывут наружу, и всем будет понятно, кому выгодна моя смерть.

Феликс откинулся на спинку кресла, устремив на девчонку прищуренный взгляд. Он не сомневался, что история с дневником – чистой воды блеф, который она придумала только сейчас. Упорное нежелание Зеленцовой признать поражение начинало его раздражать. И ещё больше злил тот факт, что к раздражению примешивалась толика уважения. Он всегда ценил в людях стойкость, а способность сохранить её, находясь в заведомо уязвимом положении, тем более производила впечатление.

Однако вопрос с девчонкой надо было решать, какое бы впечатление она не производила. И чем скорее она утратит эту свою стойкость, тем лучше будет для них обоих.

– Девочка, кроме смерти с человеком может произойти множество других интересных вещей, которые не привлекут лишнего внимания и не вызовут вопросов, – холодно проговорил Ветров, укрепляясь в амплу чудовища. – Например, такие чувствительные маленькие дурочки, столкнувшись с потерей близких и одиночеством, нередко ищут утешения в наркотиках. Как ты думаешь, кто-нибудь станет воспринимать всерьёз слова наркоманки?

Зеленцова побледнела, так что и без того белая кожа обрела нездоровый синеватый оттенок. Было видно, что эта угроза её проняла. Девчонка ни на мгновение не усомнилась, что он действительно способен силой вкалывать ей какую-нибудь дрянь, которая превратит её в овощ.

Неожиданно такая реакция его задела. Да, он сам старался добиться подобного эффекта, но достигнутый результат вместо удовлетворения пробудил только нечто очень похожее на обиду. Девчонка видела в нём монстра, который не остановится ни перед чем. Монстра, в котором нет ничего человеческого. На минуту в нём возникло иррациональное желание как-то смягчить угрозу, успокоить девчонку, но вместо этого Ветров нанёс следующий удар, закрепляя результат.

– Кроме того, разве тебе не о ком беспокоиться, кроме себя? Я слышал, с людьми, злоупотребляющими выпивкой, часто происходят несчастные случаи, и это никого не удивляет. Ты же не хочешь остаться круглой сиротой, правда?

Казалось, что больше бледнеть было некуда, но у девчонки получилось. На мгновение ему даже показалось, что она потеряет сознание, но она и тут сумела с собой совладать. Только первый раз за всё время разговора опустила глаза.

– Вы думаете, что всемогущи? Что своими деньгами купили всех и всё в этом городе? Может, сейчас всё так и есть, но это не навечно. Когда-нибудь у вас не будет сил продолжать в том же духе. Вы станете жалким беспомощным стариком, и тогда вас растерзает ваша же услуга по приказу того, кто больше заплатит в надежде занять ваше место. Считайте, что сейчас вы добились своего – я буду молчать. Но надеюсь, когда придёт ваше время быть жертвой, вы вспомните про всех, чью жизнь уничтожили.

Она говорила глухо, монотонно, ни разу не повысив голоса, но в каждом слове слышалась глубокая ненависть. Ветров, нахмурившись, задумчиво покачал головой. Девчонку оказалось не так-то просто сломить. Даже в обещание молчать она вместо смирения умудрилась вложить проклятие.

Как он и предполагал, обычные методы оказались не действенными. Конечно, она испугалась. И без всяких сомнений разочаровалась в правоохранительных органах. Но всё-таки отпускать её было опасно. Девчонка вполне может броситься к прессе, и кто знает, не придёт ли какому-нибудь жадному до сенсаций дуралею идея ухватиться за её историю? Что-то, а внимание журналистов ему совсем не нужно, как и громкий скандал. И уж тогда у него точно окажутся связаны руки, потому что, в самом деле, не станешь же убирать с дороги девчонку, когда на них обоих будет направлено всё внимание общественности. Она наверняка тоже достаточно сообразительна, чтобы это понять и посчитать подобный ход не только мстью, но и самозащитой.

– Что ж, я пытался всё решить по-хорошему, – сухо отметил Феликс. – У тебя был шанс не затягивать наше общение, но ты не захотела.

Девчонка снова вскинула глаза, в которых теперь наряду с враждебностью плескался страх. Несмотря на все попытки храбриться, она была уязвимой, куда более хрупкой, чем хотела казаться, и на мгновение его снова кольнуло какое-то неприятное чувство – не то сожаление, не то царапанье совести. Всё-таки он привык иметь дело с серьёзными соперниками, с равными, а не с наивными малолетками, которые годятся ему почти что в дочери. Девчонку было впопору пожалеть, а он вместо этого пытался её сломать.

– Сейчас ты напишешь заявление в деканат, – ничем не выдав охвативших его эмоций, всё так же сухо распорядился Ветров. – Попросишь академический отпуск. Все знают о твоей

семейной трагедии, так что желание подлечить нервы где-нибудь подальше от родных мест не вызовет удивления. Тебе обязательно пойдут навстречу. Потом позвонишь матери, назовёшь любую причину, по которой тебя не будет дома ближайшие несколько месяцев.

– Что со мной будет на самом деле? – обречённо, будто только что увидела подписанный смертный приговор на своё имя, спросила Зеленцова.

– Побудешь моей гостьей, – хмыкнул Феликс. Он действительно до сих пор ещё не решил, что делать с ней дальше. – Потом будет видно. Если решишь быть хорошей девочкой и сумеешь меня в этом убедить, отправишься домой.

Вместо того чтобы ухватиться за надежду на освобождение, девчонка в ответ на его последние слова неприязненно усмехнулась.

– Я не буду ничего писать и никому звонить, – твёрдо сообщила она. – Я не такая дура, чтобы стала сама помогать вам подготавливать почву для моего исчезновения.

Неожиданно для себя Ветров разозлился. Девчонка считала его олицетворением зла, а ведь с ней до сих пор ещё не случилось ничего по-настоящему плохого. Но ей этого мало, она так привыкла к своему чистому уютному миру, что готова считать ужасным уже то, что происходит с ней сейчас, совсем не задумываясь о том, как ведут себя настоящие чудовища.

– Ты напишешь. И позвонишь. И вообще сделаешь всё, что я скажу. Вопрос только в том, произойдёт это сейчас или позже. Для тебя же лучше согласиться сейчас.

– Будете меня пытаться? – фыркнула, думая, что это поможет скрыть страх. Интересно, насколько хватит её самообладания и стойкости, если перейти от слов к делу?

– Зачем же сразу пытаться? Да и смысл? Ты неженка, за пять минут отключишься и всё. Но ты можешь жить в нормальной комнате, а можешь сидеть в подвале, с крысами, в сырости и темноте.

Ему показалось, что в лице Зеленцовой промелькнул панический ужас. Взгляд расфокусировался, будто она увидела что-то жуткое, пугающее куда больше, чем посещавшие её до этого мысли о будущем. Феликсу казалось, что она сейчас сдастся, согласится на все условия, но девчонка только с силой стиснула челюсти и ничего не ответила.

Не дождавшись никакой реакции, Ветров поднял трубку внутреннего телефона и коротко приказал:

– Зайди.

– Проводи нашу гостью вниз, – коротко распорядился он, когда на пороге показался один из охранников.

Не выказав ни малейшего удивления, тот шагнул к девушке. Инга нашла в себе силы усмехнуться, узнав амбала, который привёл её сюда.

– Варианты можно не перечислять. Пойду сама.

Вставая с кресла, она пошатнулась и чуть не упала обратно, невольно позволив понять, насколько она выбита из колеи. Однако когда охранник попытался поддержать её за локоть, резко вырвала руку и демонстративно отряхнулась.

Глава 3

Инга с детства боялась темноты. Не монстров, которые якобы могут в ней прятаться, не грабителей и маньяков, которые по уверениям бабушки под покровом мрака выходят на охоту, а именно самой темноты. Тьма сама была монстром. Непобедимым ползучим гадом, который подкрадывается со всех сторон, заполняет собой всё пространство – и не только пространство, а вообще всё, что встретится на его пути. Заползает в горло, в нос, мешает дышать, впивается в глаза...

Инге всегда казалось, что, побыв в темноте дольше нескольких минут, она навсегда утратит способность видеть. Тьма выест ей глаза, впитается в кожу, превратит её в часть себя.

Инга даже в детстве понимала, что этот страх слишком необычен, может, даже ненормален. Если бы она рассказала о своих фантазиях родителям, они бы испугались, повели её к психологу и потом ещё долго присматривались, стараясь понять, всё ли с их дочкой в порядке. Инга не любила лишнего внимания и ещё больше не любила быть обузой, поэтому молчала. К счастью, окно её спальни выходило на проспект, и света фонарей хватало, чтобы комната никогда не погружалась в полную темноту.

С возрастом страх не исчез. Инга в большей степени осознала его иррациональность, но понимание не помогло побороть чувство. Вместо этого она в совершенстве научилась избегать моментов, когда тот мог её настигнуть. В комнате никогда не занавешивались шторы, а гирлянды украшали окно даже в летние дни. В сумочке всегда хранилось несколько фонариков – на случай, если электричество отключат во всём районе, и телефон в это время разрядится. К своим девятнадцати годам Инга привыкла считать, что не одолела, но перехитрила странную детскую фобию, и у той нет шансов когда-нибудь её настигнуть.

И вот сейчас она сидела в крошечной тьме. Она до последнего не могла поверить, что это случится. Глупо надеялась, что охранник всё-таки окажется великодушной хозяйина и не станет выключать ей свет, или что между дверью и порогом найдётся щель, способная пропустить хотя бы тонюсенький луч света. Но темнота обступала со всех сторон, как в самых жутких её кошмарах. Ветров неизвестно откуда узнал её страх, и воспользовался им в полной мере.

Инга давно готова была кричать, просить о пощаде, соглашаться на любые условия и обещать что угодно – лишь бы мучение прекратилось, лишь бы ей позволили видеть хотя бы полоску света. Останавливала только мысль о том, что её мольба не найдёт отклика. Мучитель будет только рад убедиться, что угодил в нужную точку, и, обретя уверенность, что действует не впустую, лишь продлит её страдания.

Стараясь хоть как-то отвлечься от всё больше заглатывающей её темноты, Инга попыталась сосредоточиться на счёте, но каждый раз сбивалась, не дойдя и до сотни.

Съёжившись в углу возле двери, девушка мысленно молилась о том, чтобы обещанные хозяином дома крысы пришли в самом деле. Любое живое существо сейчас казалось спасением. Пусть оно захочет ею поживиться, пусть вопьётся в тело, но отделит её от вездесущей тьмы.

Крыс не было. Конечно, в таком доме им неоткуда было взяться. В эту бездушную, тщательно вычищенную коробку никто не смог бы проникнуть без позволения.

Инга сама не заметила, как судорожно шевелящиеся губы нашли определённый ритм, задвигались уже не просто так, а произнося слова.

– Горе! Горе! Крокодил

Солнце в небе проглотил!

Наступила темнота.

Не ходи за ворота:

Кто на улицу попал —

Заблудился и пропал.

Плачет серый воробей:

«Выйди, солнышко, скорей!..»

Она не замечала слов, не осознавала, что срывается с её же губ, не слышала собственного голоса. Однако мерный, однообразный ритм стал спасением, якорем, который связал её с существующей реальностью.

Ветров никак не мог отвлечься от мыслей о запертой в подвале девчонке. С тех пор, как он приказал её увести, прошло меньше часа. Он намеревался продержат её внизу до утра, чтобы уж точно отбить желание противиться. Однако из головы никак не шёл её последний взгляд. Слишком отчаянный, слишком обречённый, слишком неживой, будто он уже подверг её мучениям, а не только грозил.

Пожалуй, если бы речь шла о ком-то другом, он бы не удивился. Он вообще был не высокого мнения о женской выдержке. Но всё же Зеленцова не должна была так смотреть. Не после проявленной храбрости.

Феликс поморщился. Ему всё больше казалось, что он задел в девчонке больше струн, чем сам ожидал. Может, потоптался по детским фобиям или напомнил своим решением о наказаниях, которым иногда подвергают непослушных детей родители.

Наверное, это было и к лучшему, и помогло бы уж наверняка приструнить девчонку. Однако какое-то необъяснимое, неоправданное чувство неприятно шевелилось в душе, не позволяя отвлечься и дойти в своём намерении до конца.

Убеждая себя, что дело всего лишь в желании держать всё под контролем, Ветров неспешно вышел из кабинета и направился к ведущей вниз лестнице.

– Что там? – небрежно поинтересовался у дежурившего охранника.

Тот равнодушно пожал плечами.

– Всё тихо. Куда она денется?

Тихо. Значит, девчонка не просила пощады. Можно было успокоиться и ждать утра в расчёте, что к тому времени эта стойкая оловянная принцесса всё-таки дойдёт до нужной кондиции, но вместо этого Ветров зачем-то взял ключи и шагнул к подвальной двери, попутно щёлкнув выключателем...

Он не сразу заметил сжавшуюся в углу девчонку. Она сидела неподвижно, обхватив руками колени, так что превратилась в маленький комочек, способный затеряться даже в пустом помещении. Она не шевельнулась, не повернула голову на звук открывающейся двери и вообще никак не отреагировала на его появление.

Сердце снова неприятно кольнуло. Девчонка вызывала в нём непонятные чувства. Её бессмысленное, заведомо обречённое на провал упорство злило, но в то же время вызывало странное сочувствие. Он неожиданно для себя подумал, что если бы обладательница такого характера была для него близким человеком, он бы без сомнений ею гордился. Осознание разбудило новую волну раздражения – не то на себя, не то на девчонку, а может, в целом на обстоятельства, которые свели их в такой ситуации.

– Что-нибудь надумала? – осведомился он чуть резче, чем планировал.

Девчонка не ответила и вообще как будто его не услышала. Она продолжала смотреть прямо перед собой. Ветров только сейчас заметил, что она еле слышно бормочет что-то себе под нос, и тональность этого звука тоже не нарушилась его вопросом.

– Эй... – он наклонился, стараясь вслушаться в лепет Зеленцовой.

– ...*Но мохнатые боятся:*

«Где нам с таким сражаться!

Он и грозен и зубаст,

Он нам солнца не отдаст!»

– донеслось до него.

Девчонка читала какой-то дурацкий детский стишок с прилежанием школьницы, будто от этого зависела её жизнь.

– Хорош придуриваться, – без должной уверенности потребовал Ветров, уже понимая, что на самом деле о притворстве и речи не идёт. – Девочка... Инга!

Снова не дождавшись ответа, он слегка тряхнул Зеленцову за плечо, и только тогда она наконец перевела на него взгляд – растерянный, чуть удивлённый, будто только проснулась и не могла понять, где оказалась и что происходит.

– Вставай. Вставай, пойдём отсюда.

Всё так же не говоря ни слова, она позволила вывести себя из подвала, провести в кабинет и усадить в кресло. По тому, что девчонка не отпрянула, когда он, придерживая, приобнял её за плечи, и никак не выразила своей ненависти и отвращения, Ветров понял, что она ещё так и не пришла в себя.

– Держи, – он поставил перед ней стакан коньяка. – Выпей.

Она не пошевелилась, и Феликс сам поднёс стакан к её губам, зафиксировав ладонью затылок, заставил сделать глоток.

Девчонка дёрнулась, резко махнула рукой, отстраняя его руку. Во взгляд вернулась осмысленность. Казалось, несколько мгновений в ней боролось хорошее воспитание и желание выплюнуть ту часть напитка, которую она ещё не успела проглотить, но воспитание всё же победило.

– Я вас ненавижу, – медленно, безэмоционально и поэтому как-то особенно серьёзно проговорила она.

– Ты боишься замкнутого пространства? Темноты? Что тебя так впечатлило за какой-то час?

– Интересуетесь, чтобы в следующий раз не промахнуться с выбором? А вы повторите всё сочетание, чтобы уж наверняка!

– Девочка, не надо делать из меня большего зверя, чем есть. У меня не было намерения доводить тебя до безумия. А если бы ты не упрямилась, то вообще не попала бы в такое положение.

– Вы льстите себе сравнениями. Звери так себя не ведут. Они убивают своих жертв, но не думают о том, как бы подольше и поинтереснее над ними поиздеваться. Вы хуже любого хищника. Таких надо отстреливать без суда и права последнего слова.

Инга договорила последнюю фразу и только тогда осмелилась посмотреть на Ветрова. Она боялась, что если раньше встретится с ним взглядом и прочтёт приговор за эту дерзость, то уже не сможет совладать с собственным голосом. А молчать она не хотела. Инга уже не

верила в возможность хоть сколько-нибудь благополучного исхода для себя, и теперь хотела только одного – погибнуть не сдавшейся, не сломанной и не растоптанной.

Инге казалось, что теперь она уже готова ко всему, но когда она увидела, что Ветров достал из сейфа пистолет, тело сотряслось от нервной дрожи. Вот сейчас всё и закончится, пронеслась в голове обречённая мысль. Если бы раньше её спросили, что лучше – мгновенная смерть или долгая неволя и мучения, Инга не раздумывая выбрала бы первое. Теперь же, когда взгляд был прикован к оружию в чужих враждебных руках, она отдала бы что угодно за лишние минуты жизни.

Она ждала выстрела и не сразу поняла, что вместо этого Ветров протягивает оружие ей.

– На. Отстреливай.

Не дождавшись реакции, он почти насильно вложил оружие в её ладонь и отошёл на несколько шагов.

Инга вздрогнула от соприкосновения с прохладной сталью. С неподдельным удивлением, как на что-то чужеродное, посмотрела на собственную руку, сжавшую пистолет. Происходящее было слишком невероятным, нереальным, и потому никак не желало укладываться в голове.

Она опять перевела взгляд на Ветрова. Он ждал спокойно, невозмутимо, будто его несколько не интересовало, что она будет делать дальше.

– Вы настолько уверены, что я не смогу? – почти по слогам проговорила Инга. Слова рождались с трудом, царапали горло, будто она молчала несколько лет и разучилась разговаривать.

– А ты сможешь? Давай.

Картинка перед глазами размылась, и Инга не сразу поняла, что дело в наворачнувшихся слезах. Это было странно. Она не плакала даже в те жуткие минуты, проведённые в подвале, а теперь ничего не могла с собой поделать. Несмотря на оружие в руках, она никогда не чувствовала себя настолько беспомощной.

Казалось, стоящий перед ней человек видит её насквозь. Знает её лучше, чем она сама. В его лице не было ни тени тревоги, будто исход этой сцены уже был предрешён и он с абсолютной уверенностью знал, что она бессильна, несостоятельна даже тогда, когда имеет видимое преимущество. Она была в его глазах ничтожеством. Недоразумением, досадной, но незначительной помехой, и сейчас могла только подтвердить это мнение.

Инга вдруг поняла, что если сейчас сдаться, сама откажется от врученной ей возможности, то её окончательным поражением станет именно это. Не пленение, не заточение в темноте – там от неё ничего не зависело – а именно этот момент. Момент, когда она сама признает, что враг не заблуждался на её счёт, и все её попытки противостояния были только бессмысленными трепыханиями слабого существа.

Она никогда ещё не чувствовала такой безысходности. Казалось, ей преподнесли выбор, но она чувствовала себя в ловушке. Выигрышных вариантов не было. Но проиграть этому человеку она не могла.

Инга медленно подняла отяжелевшую руку, поддерживая дрожащую кисть второй. Пространство двоилось, расплывалось от слёз, но она всё равно не нашла в себе сил смотреть, зажмурилась, будто надеялась спрятаться, притвориться хотя бы перед самой собой, что не участвует в происходящем. Судорожно стиснула рукоять пистолета и нажала на курок.

Прозвучал сухой щелчок.

Глава 4

Кто-то вынул из её ослабевшей руки пистолет.

– Ты меня удивляешь.

Только услышав как всегда невозмутимый голос Ветрова, Инга открыла глаза и сразу же отшатнулась, будто увидела привидение. Но стоявший перед ней человек был жив и, в отличие от неё, нисколько не потрясён этим фактом. Вот на неё он смотрел действительно с удивлением. С удивлением и... одобрением? Последнее уж точно было невозможно, однако на какой-то миг ей показалось именно так.

– Чем же ты лучше меня, если готова вот так походя расстрелять живого человека? – поинтересовался он.

Инга шумно выдохнула. Смысл слов доходил с трудом. Только сейчас к ней в полной мере пришло понимание того, что она готова была натворить, и это оглушало. Инга никогда раньше не подозревала, что в ней живёт нечто настолько тёмное, разрушительное. Да, она желала мести и не скрывала этого от себя, но она хотела, чтобы всё было справедливо. По закону!

– Что ж, может теперь, когда мы выяснили, что разница между нами не столь уж и велика, мы наконец сможем перейти к конструктивному общению, Инга?

Она вздрогнула от звука собственного имени. Ветров едва ли не в первый раз обратился к ней так, а не безликим «девочка». Словно её неудавшийся выстрел связал их, словно действительно сделал её такой же, как враг.

Инга вдруг поняла, что для него произошедшее было всего лишь экспериментом, жестокой игрой. За последние минуты её мир в очередной раз перевернулся. Она почувствовала себя убийцей, а на самом деле Ветров даже не собирался предоставлять ей подобную возможность.

– Он не был заряжен? – вслух проговорила она, желая убедиться в родившейся догадке.

Ветров пожал плечами.

– Разумеется. Я не сторонник бессмысленного риска. Хотя, признаться, такого от тебя не ожидал. Маленькая убийца.

– Он был не заряжен, – потерянно повторила Инга. – Вы развлекались...

– Не находишь, что мои развлечения безобиднее твоих желаний?

В её лице что-то дрогнуло. Феликсу показалось, что она всё-таки не выдержит, закатит истерику или просто расплачется. Однако Зеленцова после минутного замешательства только выше вздёрнула подбородок.

– Вы не находите, что мои желания честнее ваших развлечений?

Она была из тех, кто до последнего не показывает слабости. Такие перед лицом жизненных катастроф только выше вскидывают голову, до конца цепляясь за свою гордость... А потом умирают лет в сорок от инсульта или сердечного приступа. Если, конечно, до этого не успевают вляпаться в другие несовместимые с жизнью неприятности.

Ветров понял это как-то резко, и сразу же осознал, что в своей жизни уже знал такую женщину. Она была единственной, к кому он относился не только с нежностью, но и с уважением. На последнее не могла рассчитывать даже его мать – добрая, но слишком тихая и безликая женщина, которая принесла себя в жертву семье и считала это достоинством.

Та была другой. Яркой, безудержной, до безрассудного гордой. Она не терпела никакого давления, и при любой попытке на неё повлиять превращалась в непробиваемую стену. Её решимость иногда обескураживала даже его самого.

Она была не просто подругой – правой рукой, частью мозга. Феликс до сих пор был уверен, что один, без её поддержки и помощи, никогда не стал бы тем, кем являлся сейчас. Она была его идеалом женщины, даром что таковым обычно считается мать. Идеалом женщины и идеалом человека.

Она даже умирала так, будто бросала миру вызов. Когда узнала, что больна и лечение может только продлить ей дни, но не излечить полностью, отказалась от любой медицинской поддержки и стала просто жить. Она не пустилась в разгул в старании отвлечься от мыслей о неминуемом, но веселилась так, как никогда раньше.

Они проводили целые дни в парке аттракционов, облазили все окрестные леса в поисках ягод, грибов и просто интересных мест, летали на выходные к морю... Она полюбила лежать в траве без всяких покрывал, и всегда смеялась: «Эй-эй, берегись клещей! Это мне уже не страшно...»

Это у него иногда замирало дыхание и в голове метались бессильные вопросы «Почему? За что?» Она только смеялась и разводила руками не в разочаровании, а в стремлении обнять весь мир. «За что? Слушай, жадина, ты когда-нибудь спрашивал, за что вообще нам – именно нам с тобой – дана эта жизнь?! Почему все берутся ныть, когда чувствуют утрату, а подарки принимают как должное? Ведь каждый день – это подарок! Удивительный и незаслуженный. Нас могло бы не существовать вовсе, а мы получили возможность столько лет наслаждаться солнцем, и воздухом, и землёй, водой и лесом, цветами и лакомствами – всем, что только есть в этом мире! Это счастье, и нет ничего глупее, чем убиваться из-за его конечности»...

Одним вечером, который ничем не отличался от любого предыдущего, она вдруг остановилась и сказала: «Не вздумай из-за меня скорбеть. Не забывай, что когда-нибудь придёт и твоя очередь стать покойником, и тогда воспоминания о годах нытья тебя не утешат». Это было в её духе, и его тогда ничто не насторожило. А утром, когда он проснулся, она уже не дышала. Она лежала на боку, подложив руку под голову, и казалась просто спящей. Это тоже было в её духе...

Ветров отвернулся, перебирая воспоминания. Продолжать пререкания с Зеленцовой резко расхотелось. Хотя сейчас был подходящий момент, чтобы продолжить давление – несмотря на старание держать лицо, девчонка была выбита из колеи и уже не чувствовала прежней уверенности.

Вместо этого он снова вызвал охранника.

– Проводи.

Девчонка изменилась в лице, явно посчитав, что её опять ждёт подвал. Но ничего не сказала, не попросила...

Уже когда девчонку вывели за порог, он бросил вслед:

– В гостевую на втором этаже отведи её. И, девчонка, не советую пытаться сбежать. На ночь спускаются собаки. Насмерть без приказа не загрызут, но остановят так, что шрамы останутся до конца дней.

Оставшись в одиночестве, достал из ящика стола фотографию. Нахлынувшие воспоминания не отпускали, требовали дальнейшего погружения.

– Лара, – вслух произнёс он, погладив изображение.

С карточки ему улыбалась красивая – для него прекраснейшая из всех, кого он когда-нибудь знал – тридцатилетняя женщина. Фотография была сделана за несколько месяцев до того, как она узнала о своей болезни.

Внешне у них с Зеленцовой не было ничего общего. Женщина на снимке – Лара, чудесная и неповторимая! – была яркой. Чёрные волосы, подстриженные в модное тогда каре, смугло-золотистая – сама по себе, не от загара – кожа, выразительные – может, чуть резкие, но удивительно живые, запоминающиеся черты лица... Уж в ней никто бы не заподозрил отсутствие характера, даже с первого взгляда!

Вот, к слову, взгляд у них был похож. Прямой, требовательный, непреклонный... Только Лара действительно имела право так смотреть. В отличие от...

Он вдруг почувствовал злость. Злость и вину перед той, которая никогда не стала бы его в чём-то винить.

Как он мог искать сравнения? Как вообще можно было хоть на мгновение поставить в один ряд Лару и случайную девчонку, никогда в жизни не сталкивавшуюся с реальными страданиями? Она едва не тронулась умом после часа в подzemелье, на протяжении которого ей не было ни больно, ни унижительно. Она сломалась бы после первых серьёзных мер. Не пережила бы и пяти минут настоящих истязаний. Глупая неженка, которую никогда не пороли в детстве, и только поэтому у неё сохранился длинный язык. Обманка.

На миг перед глазами с удивительной ясностью предстало изнеженно-белое тело, испещрённое алыми полосами. Потухший, безжизненный взгляд. Нет никаких сомнений, что он станет таким, если за девчонку взяться всерьёз. И этим бесцветным глазам такое выражение пойдёт куда больше, чем неоправданное упрямство. Она поймёт, где на самом деле её место, и больше не сможет обманывать. Не сможет притворяться другой.

Феликс поднялся, чтобы дать новые распоряжения насчёт девчонки, но в последний момент передумал. В этом он должен участвовать лично. Своими глазами увидеть её сокрушение, разрушить обманку. Сейчас на это не было сил.

Он достал начатую бутылку коньяка и снова обратился к портрету:

– Прости, Лара. Я ошибся. Подобных тебе нет.

Лара не понаслышке знала, что такое мучения и стойкость. Узнала из-за него. В то время у него ещё почти ничего не было – так, маленькое ночное заведение с лёгкими наркотиками из-под полы и стриптизёршами, которые не отказываются от продолжения вечера. Однако кто-то заметил и это. Сначала ему мирно предложили делиться доходами, а когда отказался – похитили Лару.

Он бы пошёл на любые уступки, отдал всё, если бы только оставалась уверенность, что после этого Лара вернётся живой. Уверенности не было, поэтому он принялся тянуть время, попутно пытаясь отыскать Лару своими силами.

Он нашёл её на третьи сутки. Замученную, но живую. Она никогда потом не рассказывала, что ей пришлось пережить, но того, что он увидел, было достаточно. Тело без единого живого места, на котором можно было различить все цвета от ярко-алого до иссиня-чёрного. Ни одно её слово, ни один жест протеста не остались безнаказанными.

После спасения она несколько дней не разговаривала, и он боялся, что она уже никогда не поднимется, не станет прежней. Но она не сломалась. Изменилась, но всё же сохранила себя.

Виновников он наказал. Они умирали медленно и очень больно. Главного мучителя Лара пристрелила сама, когда тот уже не мог даже страдать. Она не смогла смотреть на пытки, но это сделала. И потом долго рассматривала свои руки – без ужаса, но с почти детским удивлением, будто не могла до конца поверить в собственный шаг.

«Чем я стала... – без скорби, но с каким-то ностальгическим сожалением произнесла она наконец, и вдруг решительно потребовала: – Никогда не трогай тех, кто ни в чём не виноват! Обещай!»

Он согласился.

Именно после этого случая Лара стала с особенным интересом относиться к его делам. «Если уж, находясь рядом с тобой, я могу пострадать в любой момент, я хочу хотя бы не чувствовать себя невинной жертвой» – объявила она, и он не смог возразить.

Это Лара заставила его развиваться, превратила низкопробные заведения в закрытые клубы первого класса. «Таких притонов, как у тебя, через пару лет будет по десятку на квартал! Но сейчас – ты видишь, кто у нас бывает? Золотые мальчики, дети правящей верхушки. Они хотят не просто дозу и девку – то есть, конечно, хотят именно этого, но также хотят, чтобы всё было красиво. Хотят приключение, сказку. Разве мы не можем им этого дать? И вообще тебе стоит подумать о более серьёзном заведении – для их папаш. Без наркоты, с девочками, которые умеют что-то интереснее, чем однообразное кривляние у шеста. Не зевай, и ты станешь настоящим хозяином в этой области...»

Лара оказалась права.

Глава 5

Донёсшийся из коридора приглушённый шум ворвался в сознание. Феликс поднял голову. Оказывается, он уснул прямо за столом, перед фотографией и опустевшей бутылкой. Часы показывали половину четвёртого ночи.

Прежде чем он успел выйти, чтобы узнать причину шума, дверь распахнулась сама.

– Шеф, там... Девку псы подрали! – выпалил возникший на пороге охранник.

Ветров непонимающе нахмурился. Взволнованное и виноватое лицо служащего позволяло догадаться, что ситуация действительно неординарная. Хотя звучало невероятно.

То, что девчонка оказалась ночью на улице, ещё можно было объяснить. Конечно, охрана должна была следить за камерами и перехватить её уже при попытке выйти из комнаты, но все понимали, что убежать с территории всё равно невозможно и, видимо, в ночное время пренебрегли своими обязанностями.

Но собаки были обучены и уже не раз доказывали свою толковость. Они должны были задержать постороннего, оказавшегося на территории, но не стали бы калечить без приказа.

– Что значит «подрали»? – холодно осведомился он. – Дрессированные псы, натренированные на задержание?

– Так она сама напросилась. Ткнула Джека ножом, тот озверел...

– Ножом? – медленно начиная закипать, повторил Ветров. – То есть девчонка неизвестно сколько времени шастала по дому, нашла где-то нож, вышла! Что вы делали всё это время?

Охранник окончательно спал с лица. Мысленно он уже простился и с работой, и со спокойной жизнью.

– Где она? – сейчас не время было решать судьбу провинившегося.

– В гостиной.

Девчонка сидела на полу, привалившись спиной к стене – кто-то позаботился о том, чтобы она не заляпала кровью обивку дивана. Кровью была пропитана вся правая половина подранного и свисающего лохмотьями свитера. Не особенно деликатничая, Феликс рванул остатки ткани, желая оценить повреждения.

Зеленцова невольно поморщилась от слишком резкого движения, которое явно принесло ей дополнительную боль, но не издала ни звука. Только опалила его понимающим презрительным взглядом. «Ничего другого от вас не ожидалось. Разве можно упустить случай помучить жертву, да?» – ясно читалось в нём.

Она дышала часто, прерывисто, с заметным трудом проталкивая воздух сквозь судорожно стиснутые – чтобы не застонать – зубы. Глаза на побелевшем и искажённом от боли лице казались огромными, и лихорадочно блестели от непролитых слёз.

На подбородке алела уже начавшая воспаляться полоса – след когтей. Подобные борозды украшали и шею, грудную клетку. Правая рука, которой девчонка пыталась прикрыться, представляла собой сплошную открытую рану.

Ветров поморщился, разглядывая висящую лоскутами кожу и глубоко разорванные ткани. Царапины были поверхностными и не опасными, но вот укус вызывал опасения.

Красное на белом... Он ведь этого и хотел, мелькнула дикая мысль. Заставить девчонку страдать, чтобы она больше не смела притворяться такой, как Лара.

Однако вместо удовлетворения в душе шевельнулась только необъяснимая досада. Да, девчонке было плохо. Наверное, даже хуже, чем если бы за дело взялся он сам. Но он почему-то чувствовал себя обманутым.

– Позвони Кравцову, – приказал он маячившему за спиной охраннику. – Надо зашивать.

Девчонка прерывисто вздохнула. В глазах мелькнуло удивление и что-то похожее на благодарность. Похоже, она даже не надеялась, что для неё позовут врача.

– Обезболивающего не будет, – сухо обронил Ветров. – Считай – наказание. Зеленцова криво усмехнулась.
– Н-ну конечно. С антисептиком тоже можете не заморачиваться, чтобы уж наверняка... Знакомый хорошо оплачиваемый врач не задавал лишних вопросов.
– Всё не так плохо, как могло быть, – оптимистично уверил он, закончив работу. – Какое-то время будут проблемы с моторикой, но со временем все функции восстановятся. Ветров сам не понял, почему при этих словах почувствовал облегчение.

Инга потерялась во времени. За окном давно рассвело, но тянется ли ещё утро или наступил день, она не знала.

После того как врач зашил и перевязал её рану, Ветров вернул её в прежнюю комнату. Только на этот раз принёс наручники и приковал здоровую руку к спинке кровати. Ещё одна месть за попытку побега – ведь не мог же он думать, что в теперешнем состоянии она сможет повторить что-то подобное.

Теперь Инга бы не решилась, даже если бы чувствовала себя сносно. Она уже успела понять, что это невозможно. Раньше главным препятствием ей казался забор, и она ломала голову, строя планы, как его преодолеть. Вспомнила, что видела за домом беседку, понадеялась, что там найдутся скамейки или стулья, которые можно будет перетащить и наставить друг на друга...

На самом деле до забора она даже не дошла. Бесшумная чёрная тень возникла словно из ниоткуда. Огромная, достающая ей почти до подмышек. Недобрая. Непреклонная и безжалостная, как все в этом доме.

Инга сразу поняла, какой наивностью было прихватить из холодильника найденную там колбасу и думать, что этим получится подкупить пса. Она, конечно, всё же попыталась, но зверь даже не взглянул на упавшую перед ним еду.

Раньше ей приходилось близко иметь дело только с одной собакой – доброй и безобидной дворнягой, принадлежащей их соседям по даче. Та, казалось, обожала всех людей на свете. А на любой грозный окрик, не говоря уже о применении силы, реагировала бегством.

Инга понадеялась, что уж боль на всех действует одинаково. И когда туша с грозным рычанием навалилась на неё, опрокидывая на землю, Инга уколола её присвоенным на кухне же разделочным ножом – несильно, желая только испугать и прогнать животное, но не навредить всерьёз.

Что было потом, помнилось фрагментами. Жуткий оскал, дикая боль в плече, собственный крик...

Инга шевельнулась, пытаясь принять более удобное положение. Плечо болело, и боль не становилась меньше. Наоборот, казалось, она разрастается, с каждым пульсирующим приступом всё больше захватывает тело.

Невозможность повернуться, сесть или ещё как-то изменить положение приносила дополнительные страдания. Инга старалась не концентрироваться на ощущениях, но как назло думать о чём-то другом не получалось.

Ужасно хотелось пить. Инге казалось, что у неё поднимается температура. Неудивительно после такой ночи!

Мысль о том, чтобы покричать и всё-таки попробовать выпросить обезболивающее или хотя бы кружку воды, уже не вызвала категоричного протеста. Нет, она ещё не готова была сдаться, но мысли о такой возможности начинали настырно лезть в голову, заставляя её злиться на саму себя.

Чтобы не поддаться слабости и не изменить себе, подчинившись чужим правилам игры, Инга снова постаралась переключиться на другие мысли.

Как бы то ни было, она до сих пор жива. И судя по тому, что Ветров даже расщедрился на врача, в ближайшее время убивать её никто не собирается. Как, впрочем, и отпускать. Значит, на какое-то время она точно останется здесь.

Инга подозревала, что в дальнейшем для неё уготована незавидная судьба. Возможно, продажа в рабство или разборка на органы. Однако прежде Ветров наверняка постарается вернуть ей относительно товарный вид. Значит, у неё есть время. И его надо использовать с умом. Прежде всего добиться, чтобы её избавили от наручников. Даже если для этого придётся чем-то поступиться.

Когда к ней вернётся свобода передвижения, можно будет снова подумать о бегстве. Конечно, не о такой глупой попытке. Но рано или поздно ей обязательно представится настоящий шанс. Днём собаки сидят на цепи. А обитатели дома регулярно покидают его пределы. Возможно, у неё получится проникнуть в машину Ветрова и спрятаться в багажнике. А уж когда он, сам этого не зная, привезёт её в город, она сможет убежать.

Воодушевлённая пусть зыбким, но всё же планом, Инга осмелилась в мыслях шагнуть ещё дальше. Пока она остаётся пленницей, она может больше разузнать о Ветрове. Если только она сможет свободно передвигаться по дому, есть смысл улучшить минуту и наведаться к тому в кабинет. Кто знает, не получится ли обнаружить что-то, что сможет стать оружием против него? Какие-нибудь документы, способные разоблачить его теневую деятельность? Конечно, она уже не пойдёт с этим в полицию, но обязательно придумает, как не позволить ему ускользнуть от расплаты.

Феликс не сводил глаз с монитора, на котором застыло изображение гостевой спальни. Зеленцова лежала, прикусив уголок одеяла. По вздрагивающему горлу можно было догадаться, что наедине с собой она перестала изображать непробиваемую амазонку и всё-таки позволила себе скулить от боли и жалости к себе.

Иногда она ёрзала на кровати, стараясь принять удобное положение, и сразу же морщилась. Видно, покалеченная рука ощутимо давала о себе знать.

Странно, но ни яркая царапина на подбородке, ни болезненная бледность её не портили. Наоборот, она сейчас казалась нежной и хрупкой. Настолько, что её хотелось защитить.

И в то же время в душе по-прежнему жила злость, заставляющая задушить на корню сочувствие и тревогу. Злость на то, что он оказался не прав. Ни боль, ни пережитый ужас не подтолкнули её к смирению. И Феликс уже не понимал, как к этому относиться. Хочет растерзать её окончательно, чтобы больше не мучиться воспоминаниями о дорогом человеке, глядя на девчонку, или наблюдать за ней дальше, узнать получше. Последнее казалось предательством по отношению к Ларе. Будто он хочет сгладить потерю, ища в ком-то её тень.

– Что происходит? – поинтересовался сидящий напротив начальник охраны.

Они были знакомы уже лет двадцать, и четырнадцать из них Глеб Молотов работал на Ветрова. Как это часто бывает, за такое время рабочие отношения трансформировались в доверительные приятельские.

– А в чём дело? – вопросом на вопрос ответил Феликс.

Он понимал, что привлекло внимание приближённого, но углубляться в тему не хотел. Однако Молотов намёк не понял. Или не захотел понимать.

– Девка в тебя стреляла. Не зная, что пистолет не заряжен! После этого ты селишь её рядом с собой, как заглянувшую на огонёк родственницу. А когда её корёжит от боли, отказываешь в уколе. Что это значит?

– Лучше ответь, куда смотрели твои дармоеды? Как она смогла выйти?

– С этим я разберусь. Но с девкой-то что? У нас есть запись её выстрела. Можно закрыть её за покушение. Или лучше определить в дурку, после этого точно уже не доставит проблем.

– Нет! – Феликс сам не понял, чем его взбесило предложение приближённого.

Вариант был вполне реальным и даже логичным. Всё тот же знакомый следователь легко оформил бы дело, и вопрос с Зеленцовой был бы решён. Не может же он, в самом деле, до конца дней держать её здесь.

Начальник охраны непонимающе пожал плечами и спросил, вторя его размышлениям:

– Будешь и дальше проверять её на прочность? Что ты в неё вцепился, не пойму?

Ветров нахмурился, услышав оценку своим действиям со стороны. А ведь он действительно испытывал её. Выжидал, чтобы она окончательно подтвердила обнаруженное сходство или разрушила иллюзию. Причём он даже не знает, какой вариант предпочёл бы. И зачем ему вообще это знать? Он ведь не собирается предавать Лару.

Взгляд снова устремился на монитор. Зеленцова в очередной раз попыталась сесть, уже знакомо поморщилась и облизала явно пересохшие губы. Бледность сменилась таким же нездоровым, лихорадочным румянцем.

– Позже поговорим, – бросил он Глебу, решительно поднимаясь с кресла.

Всё-таки нужно было дать девчонке обезболивающее. И жаропонижающее заодно. И покормить. Как бы она себя ни вела, он всё же не садист. И её вид сейчас не приносил ему никакого удовольствия.

Глава 6

Хлопнула дверь. Инга невольно сжалась, чувствуя, как сердце от волнения подскочило куда-то к горлу. Она надеялась, что о ней вспомнят и всё-таки проявят хоть немного великодушия, однако в то же время боялась, что всё может оказаться и наоборот. Если Ветров так обозлился за попытку побега, что не посчитал полученную рану уже достаточным наказанием, то неизвестно, чего ещё от него можно ожидать.

Сказать честно, человек, в руках которого она оказалась, приводил Ингу в тупик. Он спокойно, едва ли не с любопытством слушал всё, что она безрассудно наговорила в попытках его уколоть. Устроил спектакль с пистолетом и не вышел из себя из-за её готовности его убить. Не отправил её обратно в жуткий подвал, хотя точно понял, что это верный способ её уничтожить, превратить в ничего не соображающее и трясущееся от страха существо. Но проявил настоящую жестокость, когда ей и без того было невыносимо.

Что это означало? Развлечение? Поведение кота, который сыт и хочет сначала поиграть, поэтому не придушивает мышшь сразу? Инга считала Ветрова беспринципным негодяем, но не психом. Впрочем, она знала о нём только то, что слышала от отца, а этого было явно недостаточно...

– Тебе хватило времени, чтобы подумать о своём поведении? – голос звучал слишком бесстрастно, чтобы она могла строить догадки, чего ожидать дальше. – Хочешь что-нибудь сказать?

Сказать она хотела бы многое, вот только это точно не приблизило бы её к хотя бы относительно освобождению.

Инга прикрыла глаза, напоминая себе о решении не раздражать Ветрова и добиться возможности передвигаться по дому. Просить или изображать раскаяние было выше её сил, и она уцепилась за первую более-менее нейтральную тему для разговора, пришедшую в голову. Тем более этот вопрос действительно её волновал.

– Как ваша собака? Я не навредила серьёзно?

Ветров сел на край кровати, с интересом изучая её лицо. То ли был удивлён вопросом, то ли и в нём углядел стремление к неподчинению. Однако не разозлился.

– Ну, ему точно досталось меньше, чем тебе, – усмехнулся он.

Чужая ладонь легла на лоб, оценивая температуру. Инга дёрнулась, пытаясь отстраниться, но Ветров, похоже, даже не заметил этого. Сделав выводы о её состоянии, почему-то не убрал руку, а скользнул ладонью по щеке, медленно и почти невесомо – словно вдруг не захотел принести ей боли – провёл большим пальцем по шраму на подбородке.

– Это пройдёт, но на плече след сохранится, – задумчиво, будто самому себе заметил мужчина. – Маленькая дурочка... О чём ты думала?

– Что попробовать всё же стоит.

Ветров неожиданно улыбнулся.

«Точно псих. Но, кажется, сейчас в хорошем настроении...»

– Вы меня не освободите? – Инга выразительно потрясла закованной рукой. – Я уже поняла, что отсюда невозможно убежать.

Ветров с полминуты молча смотрел на неё, раздумывая или просто наслаждаясь мгновениями безграничной власти. Но потом всё же достал из кармана ключ и отомкнул наручник.

– Ещё одна такая выходка – посажу на цепь. И уже не на полдня. Это понятно?

– Вы предельно чётко доносите информацию, – неприязненно выдавила Инга, несмотря на все намерения не сумев ограничиться послушным «да».

– Руку давай.

– Зачем? – Инга рефлекторно отёрнула только освобождённую кисть.

Не отвечая, Ветров потянулся к чему-то на прикроватной тумбочке, и Инга только тогда заметила, что он принёс с собой небольшой прикрытый марлей поднос. При виде шприца отодвинулась ещё дальше. В памяти ещё жила угроза сделать её наркоманкой, хотя Инга почему-то думала, что с такой грязной работой Ветров не стал бы возиться собственноручно. Впрочем, так она думала раньше, а теперь уже ни в чём не была уверена.

– Раствор анальгина, – коротко бросил он и, не дожидаясь содействия, дёрнул её за руку – будто разозлился на собственное решение снизить до объяснений. Ловко, как человек с немалым опытом, перехватил руку чуть выше локтя жгутом и ввёл иглу в вену.

– Голодная?

– Пить хочу, – осторожно отозвалась Инга.

Несколько проявлений щедрости подряд уже начинали её настораживать. Она только что пришла к выводу о непоследовательности Ветрова, и полагала, что за проявленной снисходительностью вполне может последовать вспышка агрессии.

Он молча вышел и через несколько минут вернулся, но не с кружкой воды, а с её же телефоном в руках.

– Звони домой и в деканат.

Это было уже чем-то более знакомым и понятным. Пусть угроза пока осталась не озвученной прямо, но несложно было догадаться, что если она снова откажется, то продолжит мучиться от жажды.

– Можешь рассматривать это как сделку, – хмыкнул Ветров. – Ты делаешь, как я говорю, а взамен свободно ходишь по дому, пользуешься кухней, ванной, библиотекой и бассейном... Впрочем, последнее с твоей рукой будет всё же лишним.

Инга помолчала, всерьёз раздумывая над услышанным. С одной стороны, не факт, что, согласившись, она не выкопает самой себе яму. Было похоже, что Ветров всерьёз не хочет, чтобы вокруг её исчезновения поднялся шум. Тогда, исключив вероятность поисков, она окончательно развяжет ему руки. Но в то же время, вряд ли её упрямство побудит того отпустить её на все четыре стороны, а вот жизнь в этом доме усложнит однозначно. По крайней мере, о вожаденной свободе передвижения точно останется только мечтать.

Инга опустила глаза, стараясь придать себе потерянный и обречённый вид. Её согласие не должно было выглядеть расчётом и хитростью. Только признанием того, что противостоять бессмысленно.

– Хорошо. Я позвоню.

Покосившись на Ветрова, сначала открыла список входящих. Тот не одёрнул, и Инга быстро поняла, почему.

Один пропущенный от мамы. Один – и всё. Она явно не забеспокоилась, когда дочь не пришла ночевать домой и не ответила на звонок. Для Инги это не было большой новостью: мать придерживалась мнения, что в молодости надо «нагуляться» – походить по вечеринкам, собираться у кого-нибудь на даче и гулять до утра, заводить романы. Она сама всё время старалась вытолкнуть Ингу на какую-нибудь тусовку, сокрушаясь, что та «не живёт полной жизнью», и теперь наверняка решила, что дочка наконец последовала её советам.

Одно сообщение, на которое уже был написан ответ. Однорукница просила захватить конспект по гражданскому праву, и на лаконичный ответ, оповещавший, что Инга не собирается в ближайшие дни появляться в университете, ничего больше не написала.

И всё. За целые сутки никто не подумал, что с ней могло что-то случиться. Если подумать, ничего особенного. Она сама вряд ли за такой короткий срок заподозрила бы неладное, исчезни кто-нибудь из её друзей и знакомых. Мало ли какие у человека могут быть дела. Однако Ветрова, несомненно, этот факт должен был порадовать.

Под пристальным наблюдением Инга набрала номер матери.

– Ингу-уль? – сонно протянули на том конце.

Инга невольно вздохнула. Видно, у мамы снова была весёлая ночь, раз к обеду она ещё не проснулась.

Ветров отодвинул телефон от её уха и нажал на громкую связь.

– Привет, мам. Извини, что вчера не ответила...

– Да ничего, – та прокашлялась и заговорила бодрее. – Я разве не понимаю? Сама была молодая! Даже хорошо, что ты вчера загуляла – у нас тут такой бедлам устроили! Я вот потом... хм... расслабилась немного с нервов. Ты поняла, неверное.

– Что за бедлам? – настороженно уточнила Инга, устремив на Ветрова напряжённый взгляд.

– Да я не поняла ничего толком... У отца что-то искали. В кабинете, в смысле. Я не лезла – все эти его дела... Я и раньше никогда не лезла, ты ж знаешь, не наше дело... Пол подняли, представляешь?! Такой паркет... Я уже боялась, что деньги будут требовать...

– Не требовали? – машинально спросила Инга.

– Не-е, – мать зевнула. Похоже, на её нервную систему вчерашнее происшествие не оказало заметного влияния.

Инга хотела бы расспросить мать ещё о многом, но вынуждена была подчиниться требовательному жесту Ветрова, который призывал переходить к изначальной цели звонка.

– Я вообще-то по одному вопросу звоню. Мне предлагают двухмесячную поездку в Англию, по обмену. Как-то внезапно всё решилось, в деканате только сегодня узнали, сколько человек отправлять, а вылет уже послезавтра. Ты не будешь против?

– Я? Решай сама, Ингуль. Ты у меня уже большая девочка. И такая умница! Я тобой горжусь.

– Спасибо. И ещё, я сегодня-завтра у Кати Бельской переночую, ладно? Придётся мотаться в посольство, оформлять документы, а от неё ближе добираться.

– Как хочешь... А вещи? Тебе вещи собрать? Ты же за ними заедешь?

– Нет, мам, вряд ли будет время. К тому же без багажа быстрее таможню проходить. Куплю необходимое на месте.

– Ну, смотри. Не пропадай, звони иногда.

– Обязательно.

Инга нажала отбой и не сдержала горького вздоха. Как можно было поверить во всю ту чушь, что она несла? Конечно, надо было радоваться, что у неё получилось обмануть мать, ведь иначе неизвестно, что могло бы ждать их обеих. Однако на душе всё равно было тяжело.

Впрочем, куда больше собственных чувств её сейчас волновало другое.

– Что вы искали в нашей квартире? – повернулась она к Ветрову. – Я соврала вам насчёт дневника! Я ничего не записывала и ни с кем, кроме следователя, об отце не говорила! Не надо трогать маму!

– Не будь душой! – без своей обычной выдержки рявкнул тот. – Стал бы я отправлять кого-то искать неизвестно что неизвестно где, когда ты под боком. Если бы я хоть на минуту поверил в существование этого дневника, я сначала бы вытряс из тебя информацию о том, где конкретно он лежит.

– Тогда зачем вы устроили обыск?

– Я? Девочка... Инга, можешь поверить, я был далеко не единственной неприятностью твоего папаша. И, похоже, твой поход к следователю привлёк не только моё внимание.

Слова Ветрова звучали убедительно. И вообще казалось, что он сам озадачен странным визитом в квартиру Зеленцовых. Озадачен и взволнован. Следующее его действие только подтвердило наблюдение Инги. Ветров забрал у неё телефон и направился к двери, уже на ходу обронив:

– В деканат завтра позвонишь.

– Эй, вы обещали воды... – проговорила Инга ему вслед.

– Я помню. Сейчас принесут.

Глава 7

Спускаясь по лестнице, Феликс набрал начальника охраны.

– Ты сейчас где?

– В «Стране чудес». Пока ты увлёкся домашним реалити-шоу, пытаюсь выяснить, что за чертовщина у нас творится, – отозвался Молотов.

– Оставайся там, я буду минут через сорок. Есть новости по Зеленцову.

Не дожидаясь ответа, сбросил вызов и зашёл в дежурку. Один из дежуривших охранников торопливо задвинул ящик стола, в котором Ветров всё же успел заметить развёрнутую газету сканвордов. Но второй внимательно наблюдал за мониторами.

– С девчонки глаз не спускать, – распорядился Феликс. – Из дома не выпускать. Если выкинет какой-нибудь номер, вернуть в комнату, но мер не предпринимать – сам разберусь.

– Ясно, шеф.

– А ты съезди в город, купи ей что-нибудь из одежды, – повернулся он к любителю сканвордов. – Что-нибудь свободное, что можно надеть одной рукой. Разного возьми, что не подойдёт, отвезёшь назад. Сорок второй размер.

– Обувь, бельё? – деловито уточнил охранник.

– Да. Вообще, набери Римму, пусть подскажет, что может понадобиться.

Разобравшись с этим, отдал распоряжение домработнице, чтобы отнесла девчонке воды и приготовила лёгкий обед.

По дороге в клуб постарался сосредоточиться на размышлениях о том, что неожиданно узнал из разговора Зеленцовой с матерью, но вместо этого мысли упорно возвращались к самой Зеленцовой. Одинокая несчастная девочка. Идеальная жертва.

Она старалась вести себя как ни в чём не бывало, но он видел, что разговор с родительницей дался ей тяжело. Девчонка не была глупой и явно отдавала себе отчёт, что даже тот небольшой интерес, который мать проявляет к её жизни, обусловлен лишь родительским долгом. Однако находить этому подтверждения ей всё ещё было тяжело.

Неудивительно, что она так привязана к отцу даже после его смерти. Тот хоть и не был образцовым примером любящего папочки, но всё-таки уделял дочери куда больше внимания.

Ветров, привыкший собирать подробное досье на всех своих сотрудников, знал, что Арсений Зеленцов когда-то женился на матери Инги только из-за того, что та забеременела. Он хотел сына, и рождение Инги немало его разочаровало. Однако больше детей у пары не родилось, и со временем он начал интересоваться дочерью. По крайней мере, озаботился тем, чтобы дать ей хорошее воспитание и образование, и пристально следил за успехами.

Но наверное, по-настоящему девчонка никогда не чувствовала за собой тыла. Отсюда и решительность, и упорство, совсем не характерные для представительницы избалованной «золотой молодёжи». Она знает, что в жизни только то будет полностью твоим, чего добьёшься самостоятельно.

Феликс усмехнулся, вспомнив, как девчонка согласилась с его условиями. На какой-то миг он даже удивился такой резкой капитуляции, но тут же заметил, что её смирение выглядит слишком нарочитым, наигранным. Зеленцова и не думала считать себя побеждённой.

Клуб с громким названием «Страна чудес» был одним из его наиболее многопрофильных заведений. На первый взгляд почти приличное место, где даже стриптиз выдерживался в рамках искусства – красивые, сложные номера с гимнастическими элементами, которые не только пробуждали в посетителях вождление, но и доставляли эстетическое удовольствие. Дорогие напитки, изысканные закуски на любой вкус...

Некоторые не видели ничего зазорного в том, чтобы наведываться сюда с любовницами и даже с жёнами. Но большинство всё же предпочитало приходить без них и не останавливаться только на тех удовольствиях, которые были доступны всем.

Уровнем ниже находились комнаты, в которых можно было уединиться с понравившейся танцовщицей. В качестве особого изыска проводились лотереи, участники которых могли выиграть участие в самых изощрённых эротических действиях.

Там же можно было приобщиться к радостям наркотических грёз. В заведении продавался только проверенный, качественный товар, не вызывающий быстрого привыкания. Большинство клиентов не считали себя наркоманами, называя своё пристрастие всего лишь маленькой слабостью. Здесь они могли быть уверены, что информация об этой слабости не просочится за пределы клуба.

Ещё ниже, в подвальном этаже, располагалось казино. Рулетка пользовалась едва ли не большим спросом, чем девочки и наркотики.

До недавних пор клубом управлял Арсений Зеленцов.

Начальника охраны Ветров нашёл в кабинете бывшего управляющего. Незадолго до смерти того в клубе произошло несколько крупных неприятностей, и внутреннее расследование не завершилось до сих пор.

– В «Золотой стреле» час назад умерла одна из девочек во время приватного танца, – с порога огорошил его Молотов. – Остановка сердца. Предположительно, была под препаратами. Клиент шокирован.

Ветров грубо выругался. Всё продолжалось.

– У Зеленцова в квартире вчера что-то искали, – в свою очередь поделился он информацией. – Теперь окончательно ясно, что он действовал не сам. Впрочем, после «Золотой стрелы» это и так понятно. Надо отправить кого-нибудь к старшей Зеленцовой. Пусть представится коллегой мужа, предложит помянуть покойного – она точно не откажется – может, удастся выяснить хоть какие-то подробности о визитёрах.

– Отправлю. Управляющего «Стрелы» уже взяли, чтобы не было промашки, как с Зеленцовым. Но по первому впечатлению, он реально не в курсе, что делается у него под носом.

Молотов помолчал, сомневаясь, стоит ли озвучивать пришедшую ему в голову идею, но всё же решился.

– Вообще-то, мы можем поймать исполнителей на живца. Кто-то явно тоже переполошился из-за похода Зеленцовой в полицию. Если мы по своим кругам пустим слух, что она реально знает что-то важное, а потом дадим ей сбежать, её наверняка постараются убрать. Мы возьмём исполнителей, а через них доберёмся и до заказчика.

– Нет, – Феликс даже не раздумывал, отвергая ещё одно вполне здоровое предложение подчинённого. – Девчонка может на самом деле пострадать.

– Это недопустимо? – Молотов недоумевающе приподнял бровь. Конечно, он знал о «пунктике» шефа не втягивать в деловые передрапки посторонних, но иногда такая щепетильность выглядела уж очень чрезмерной.

– Недопустимо, – отрезал Ветров.

Глава 8

На этот раз в дверь постучали. Подобная деликатность в этом доме выглядела слишком странно, и Инга не сразу сообразила, что нужно ответить. Только когда стук повторился, подала голос:

– Да... Войдите!

На пороге показалась женщина лет тридцати пяти. Выраженная восточная внешность выдавала в ней уроженку Ближней Азии. Её строгое серое платье длиной до середины икры и с наглухо закрытым горлом вызвало у Инги ассоциацию то ли с учительницей, то ли с сестрой милосердия.

– Инга Арсеньевна, ваш обед готов, – почтительно, словно обращалась к важной гостье, а не пленнице, произнесла она.

Инга опешила и не сразу нашлась с ответом. Она даже не знала, что её поразило больше – удивительная и в данной ситуации даже какая-то неуместная вежливость горничной; тот факт, что та осведомлена о её имени, сообщить которое мог только Ветров, в интересах которого было бы информировать о похищенной девушке как можно меньшее количество людей; или громоздившиеся на небольшом столике на колёсиках блюда, которые явно были слишком хороши для заключённой.

Пока Инга размышляла над этим, домработница подкатила столик к кровати, попутно успев сообщить, что её зовут Джамия и Инга может обращаться к ней с любыми бытовыми вопросами и желаниями.

Подобное уверение утвердило Ингу в мысли, что горничная просто не знает о её настоящем положении в этом доме и действительно принимает за гостью. Однако со стороны Ветрова было бы непредусмотрительно допускать к ней такого человека. Всё это обескураживало.

– Вы здесь работаете? – задала Инга самый глупый вопрос из всех, что можно было придумать в этой ситуации. Однако она не придумала, с чего ещё начать разговор.

– Да, – горничная счастливо улыбнулась, будто сообщила о крупном выигрыше в лотерею. – Уже давно. Вы кушайте, не то остынет.

При виде принесённых ей блюд Инга поняла, что на самом деле проголодалась. Неудивительно, если учесть, что она не ела около суток.

На столике исходил паром омлет с грибами и зеленью, источали заманчивый аромат политые сметаной оладьи. Рядом стоял пол-литровый заварничек с мятным, судя по запаху, чаем. Немного в стороне от соблазнительной композиции расположился вместительный графин с водой. Тут же лежал градусник и пластинка жаропонижающих таблеток. Поразительная щедрость.

Прежде всего Инга налила себе стакан воды и с жадностью выпила. Жизнь сразу показалась более сносной.

– Подождите! – позвала она, заметив, что домработница собралась уйти. – Пообедайте со мной.

– Что вы... – та даже отступила на пару шагов, словно Инга предложила ей совершить святотатство. – Я позже приду забрать посуду.

– Вам нравится тут работать? – прямо поинтересовалась Инга, подумав, что если ходить окольными путями, та точно успеет удрать.

Лицо горничной озарилось улыбкой, которая немало разочаровала Ингу. Идея заполучить единомышленника показывала свою несостоятельность ещё раньше, чем девушка успела её как следует обдумать.

– Конечно! – с не вызывающей сомнений искренностью отозвалась Джамия. – Очень! Господин Ветров – замечательный человек!

– Серьёзно? – Инга уже видела, что говорить о чём-то с этой особой – напрасная трата времени, однако всё же не удержалась. – А вас не смущает его род деятельности?

– Он мужчина. Он лучше знает, что нужно делать, – убеждённо ответила горничная.

Инга уже не скрываясь закатила глаза.

– Серьёзно? – повторила она. – А то, что меня он здесь держит силой – это по-вашему тоже нормально? Что затравил меня собаками, когда я захотела выйти в сад? – несколько переиначила она события в надежде произвести на явно фанатичную женщину хоть какое-то впечатление.

На лице домработницы отразилось неодобрение.

– Вы зря обижаете господина Ветрова. Я не знаю, что у вас случилось, но он очень хороший человек. И добрый хозяин. Конечно, он мужчина, и иногда может быть резким. У него сложная жизнь.

– Ну да... «Его не гладили, и он начал убивать» – фыркнула Инга.

Неодобрение сменилось плохо скрываемым осуждением. Видно, горничная была хорошо вышколена или слишком привержена собственным понятиям о допустимом поведении, и только поэтому не высказала Инге всё, что думает об её речах. Однако за хозяина она явно была готова стоять горой.

– Господин Ветров ничего не делает просто так. Если вы хороший человек, он не будет вас обижать.

– Прекрасно... – Инга вздохнула, чувствуя, что ещё пару минут такого диалога, и вместо потенциального союзника обретёт лишь ещё одного врага. – Ладно, если что-то будет нужно, я позову, – намекнула, что идея оставить её в одиночестве была не так уж плоха, но когда Джамия была уже у порога, снова окликнула, озарённая новой идеей: – погоди! А как вы ездите отсюда за продуктами? Интересно, свежие ли грибочки в омлете, – пояснила, надеясь, что обмануть восторженную женщину будет не сложно.

Хотя бы в этом ожидания оправдались.

– Свежие! Очень свежие. Доставка из хорошего супермаркета каждый день привозит всё, что надо, так что можете не сомневаться, – простодушно сообщила она.

– Отлично, – Инга улыбнулась уже почти искренне и принялась за омлет. – Очень вкусно!

На хорошем обеде сюрпризы не закончились. Едва Инга опустошила тарелки, дверь снова открылась – правда, на этот раз без предварительного стука. Уже знакомый охранник – один из её непосредственных похитителей – поставил у порога несколько объёмных сумок.

– Это вот тебе, – оповестил он. – Одежда и всякое... Что не нужно, выставишь в коридор, унесу.

Инга с возрастающим удивлением окинула сумки взглядом. Конечно, какая-нибудь одежда ей бы не помешала. После встречи с собаками от её свитера остались лишь воспоминания, и сейчас ей приходилось довольствоваться только фланелевой ночнушкой с чужого плеча, наверняка взятой у домработницы. Однако судя по размеру сумок, там было куда больше необходимого минимума.

– Ваш шеф что, оборотень? – буркнула Инга, не зная, как ко всему этому отнестись. – По полнолуниям превращается в нормального человека?

– Кончай выёживаться, а, – достаточно миролюбиво посоветовал амбал. – Другой бы тебя закопал давно. А Ветров нормальный мужик.

– Да вас здесь зомбируют, что ли? – вздохнула Инга, понимая, что и этот в союзники не годится. – Или тут коллективный разум, один на всех?

На это охранник ничего не ответил, предпочтя молча удалиться.

Сумки она открывала с некоторой опаской, не зная, чего ждать от их содержимого. Однако уже через пару минут она с облегчением поняла, что приготовленные для неё вещи неприятия не вызывают.

Несколько классических прямых брюк – льняные, которые точно подойдут для дома, и более тёплые, в которых было бы вполне комфортно в прохладную октябрьскую погоду. Свободный тёплый свитер вселил надежду, что она может рассчитывать на прогулки по саду – иначе зачем он ей здесь? Несколько блузок с широкими рукавами, парочка свободных платьев разной длины и расцветки, но с похожим верхом на бретелях, которые точно получится без особых усилий натянуть даже на неподвижную руку. Тот, кто выбирал одежду, явно помнил о её состоянии.

Развернув пакет с бельём, Инга невольно развеселилась. Что-что, а это явно выбирала любовница Ветрова, подумала она. Только ревнующая женщина могла выбрать для другой подобные вещи – демонстративно детского фасона трусики с изображениями утят, бабочек и каких-то мультяшных героев, и пару бюстгалтеров из плотной белой ткани без намёка на кружево или ещё какое-нибудь украшение. Ночнушки тоже оказались максимально плотными и закрытыми. Что ж, её это устраивало.

Беспокоиться о том, что она принимает вещи от постороннего, если не сказать хуже, человека, Инга себе запретила сразу. В конце концов, она оказалась здесь не по своей воле, и если кого и должны тревожить моральные дилеммы, то уж точно не её.

Несмотря на то, что температура оказалась вполне сносной, Инга всё ещё чувствовала себя неважно и охотней всего легла бы поспать. Однако мысль о том, что она не знает график Ветрова, а дом лучше обследовать в его отсутствие, заставила одеться и выйти из комнаты. Она успела понять, что тот куда-то поехал, но надолго ли, не имела понятия.

Она ожидала, что стоит покинуть свою темницу, и рядом тут же окажется вездесущий охранник, однако ей никто не мешал. Инга неторопливо прошла по этажу, заглядывая во все попадающиеся на пути комнаты, однако не заметила ничего интересного. Хозяйская спальня немного отличалась от гостевых, однако там не нашлось ни сейфа, ни стола с ящиками для бумаг – ничего, что могло бы её заинтересовать.

Добравшись до кабинета Ветрова, Инга с надеждой дёрнула ручку двери, но та оказалась заперта.

Оставалось изучить территорию снаружи, но стоило приблизиться ко входной двери, как неизвестно откуда вынырнул знакомый амбал.

– Далеко собралась?

– А отсюда разве можно уйти далеко? – Инга удивлённо вскинула брови, всем видом демонстрируя, что абсолютно не понимает, какие к ней могут быть претензии. – Хочу прогуляться по саду. Подышать воздухом.

– Не приказано выпускать. Вернись-ка в дом.

– А то что? – поинтересовалась она, искренне надеясь, что выглядит при этом достаточно наивно, чтобы вопрос не показался вызовом.

Охранник скривился, давая понять, что ни на минуту не поверил её игре.

– Хочешь вернуться в погреб? По мне так тебе там самое место.

Решив, что затевать спор в данном случае дело бессмысленное и неблагоприятное, Инга молча развернулась и направилась обратно в отведённую ей комнату.

Глава 9

Настроение было ни к чёрту. Когда неприятности только начались, Феликс и подумать не мог, что всё зайдёт настолько далеко.

Самое плохое было в том, что он до сих пор не знал, кто именно наносит ему удар за ударом. Началось с того, что в одну из ночей нескольких постоянных клиентов клуба пришлось срочно госпитализировать с явными признаками острого наркотического отравления. В их крови обнаружили дешёвый синтетический наркотик, который никогда не продавался в клубах Ветрова.

Сначала под подозрение попал поставщик. К тому времени, как Феликс убедился в его невиновности, ситуация повторилась. Конечно, со стороны закона ему ничего не грозило – клиенты не были заинтересованы в том, чтобы их тайные развлечения выплыли наружу, потому молчали сами и готовы были платить за молчание врачам.

Последнего, правда, Ветров не допустил, взяв расходы на себя. Нет, он вовсе не сочувствовал пострадавшим. Он вообще к тем, кто пользовался услугами его заведений, относился с оттенком брезгливого пренебрежения, о котором, разумеется, никто не догадывался.

Однако о деловой репутации стоило заботиться. Она и так неслабо пошатнулась после этих происшествий, и чтобы не растерять платежеспособную клиентуру, каждого нужно было обхаживать, как любимого родственника.

После поставщика он начал подозревать тех сотрудников, которые непосредственно имели доступ к препаратам, и тех, кто недавно устроился на работу. Управляющий активно помогал в расследовании, умело ставя под подозрение то одного, то другого. За это время в клубе случилась очередная неприятность – в самый разгар вечера в зале казино вспыхнула проводка. Никто не пострадал, но паника поднялась. Отток посетителей стал заметным и систематическим.

В честности самого Зеленцова Феликс усомнился далеко не сразу. Тот проработал у него почти десять лет и за это время ни разу не давал повода усомниться в своей преданности.

Когда он всё-таки отдал приказ взять Зеленцова и допросить с пристрастием, было уже поздно. Прибывший на место Молотов обнаружил лишь труп. Управляющий то ли сам сиганул из окна, испугавшись разоблачения, то ли ему помог кто-то, в чьих интересах было его молчание.

Феликсу было вовсе не нужно лишнее внимание к его клубам, и он постарался быстро замять дело. Официально смерть Зеленцова была признана результатом несчастного случая. Ну, наклонился человек из окна подышать свежим воздухом, ну, закружилась голова – бывает!

После гибели управляющего всё ненадолго утихло. Феликс не торопился вздыхать с облегчением – сложно было представить, что тот действовал сугубо по собственной инициативе, хотя и этот вариант нельзя было исключать. В любом случае, затишье показывало, что больше предателей среди его служащих не нашлось.

И вот сейчас – новое происшествие, уже в другом клубе. Это подтверждало предположение, что Зеленцов вредил ему по чьей-то указке, и убивало остатки надежды на то, что удастся обойтись малыми проблемами.

Не было сомнений, что неприятные происшествия продолжатся. Вряд ли и в этот раз действовали с помощью управляющего. По крайней мере, он сам так делать не стал бы, понимая, что после истории с Зеленцовым руководитель другого клуба первым окажется под подозрением. А предполагать, что неизвестный противник глупее его, пока не было никакого повода.

Но невозможно ведь изолировать всех сотрудников, пока каждого не проверишь на вопрос предательства.

Оставалось уцепиться за единственную ниточку, опять-таки тянущуюся к Зеленцову. Что у него искали? Не те ведь бумаги, которые его беспокойная дочка притащила следователю. Они вряд ли могли беспокоить кого-то, кроме самого Зеленцова. Ну и, конечно, заинтересовали бы его, узнай он о них тогда, когда управляющий ещё был жив.

Обнаруженные младшей Зеленцовой документы, отражающие доходы и расходы клуба, и расчёты с совсем иными цифрами, сведёнными в довольно стройную картинку, показывали, что управляющий глубоко запустил руку в деньги заведения. Неудивительно, что девчонка, наткнувшись на такую информацию, приписала убийство отца ему.

Что ж, когда он найдёт того, кто строит против него козни, он представит Зеленцовой настоящего виновника. И тогда, наверное, можно будет её отпустить. Хотя что-то хорошее во всём том бедламе, что творится последнее время. Теперь, когда окончательно ясно, что за происходящим стоит некое третье лицо, доказать свою непричастность к убийству будет возможно. Кажется, девчонка достаточно благоразумна, чтобы не поднимать шума просто из стремления к вселенской справедливости, и когда её жажда возмездия утихнет, сможет сидеть тихо.

А пока стоит свести общение с ней к минимуму. Иначе можно умом тронуться от непрошенных сравнений. А это для кого-нибудь из них точно плохо закончится.

Нет, ему всё равно, на самом деле она такая, какой иногда кажется, или просто обманка с наносным гонором, который сотрётся первыми серьёзными испытаниями. Ему всё равно, и желание узнать, как прошёл день дома, не натворила она чего-нибудь и какие вообще шаги предпринимала – только результат скуки. В конце концов, при всей своей насыщенности его жизнь достаточно однообразна. Круг знакомых лиц один и тот же. Даже проблемы знакомые и вызывают только глухую досаду.

Но лучше бороться со скукой другими способами.

Феликс принял это решение, подъезжая к дому, и даже не стал подробно расспрашивать охранника о дневных событиях. Поинтересовался только, обошлось ли без эксцессов, и, получив утвердительный ответ, переключился мыслями на более важные дела.

Однако стоило ему устроиться в столовой за поздним ужином, как от двери раздался ставший за последние полтора суток до раздражающего знакомым голос:

– Не возражаете, если я присоединюсь? Мне ведь можно пользоваться столовой?

Он поднял голову, намереваясь отправить девчонку прочь, но заготовленные слова так и не сорвались с языка. Он определённо не ожидал увидеть того, что открылось глазам. За то недолгое время, что Зеленцова провела в его доме, он привык видеть её оборванным растрёпаным созданием – неизбежное последствие похищения и последующих ситуаций – с ненавистью и затаённым страхом во взгляде.

Сейчас она была совсем не похожа на ту девчонку, с которой он до сих пор имел дело. Совсем не девчонка. Девушка. Юная женщина. Лунная фея... Феликс поморщился, поймав себя на странном сравнении. Он никогда не был романтиком или любителем поэзии и поэтических образов, и сам не понял, откуда всплыла подобная ассоциация.

Стоило отделаться от первого впечатления, и тут же кольнуло не менее неуместное разочарование – ему на миг показалось, что Зеленцова собралась решить свои проблемы извечным женским способом. Однако он быстро понял, что и это не так. Она явно не собиралась кокетничать. Она, похоже, вообще не понимала, насколько обольстительно выглядит – женщины, которые понимают, всегда преподносят себя в самом выгодном ракурсе, но Зеленцова не позировала, и взгляд не был ни томным, ни нарочито смущённым. Она просто пришла на переговоры.

В бледно-голубом струящемся платье, которое ей невероятно шло. С перекинутыми на одно плечо волосами, которые прикрывали оставленные собакой царапины и частично прятали бинт. Конечно, она не сделала никакой другой причёски потому, что одной рукой даже расче-

саться проблематично, не говоря уж о чём-то ещё. Но такая незамысловатая небрежность придавала ей на редкость домашний вид. Уютный и доверчивый. Создающий впечатление, будто её присутствие в этом доме и за этим столом – самая что ни на есть обычная и естественная вещь.

Феликс тряхнул головой, отгоняя наваждение, и наконец оторвался от созерцания девчонки. Девушка, женщина... Нечего было и думать о Зеленцовой в таком плане. Он не стал бы заводить с ней роман, даже если бы она не испытывала к нему ненависти и была не против.

У него есть воспоминания для души и Римма для тела, и этого вполне достаточно. А от таких, как Зеленцова, могут быть одни только проблемы. Она слишком молода для краткосрочных связей, у таких все чувства ещё всерьёз и с полной самоотдачей. Так пару недель развлечёшься, а потом не оберёшься хлопот...

– Тебя что, не покормили? – заметив, что молчание затянулось, осведомился Феликс.

– Я поздно обедала. Снова проголодалась только сейчас, – с самым что ни на есть невинным видом отозвалась Зеленцова. Только напряжённый выжидающий взгляд выдавал, что у неожиданного желания совместно отужинать есть какая-то вполне определённая цель. Чему-чему, а актёрскому мастерству ей ещё стоило поучиться.

– Садись, – кивнул Ветров.

Девчонка сосредоточенно наблюдала, как горничная расставляет для неё приборы. Потом так же сосредоточенно принялась есть. Она явно не знала, с чего начать разговор, но Феликс не собирался ей в этом помогать – если уж она решила затеять какую-то свою игру, пусть справляется самостоятельно.

– Как вы рассказали обо мне своей любовнице? – наконец поинтересовалась Зеленцова, и он едва не подавился, опешив от выбранной ею темы. – Представили родственницей из провинции, которая неожиданно свалилась на голову?

– С чего ты взяла, что я кому-то о тебе рассказывал? – в свою очередь полюбопытствовал он.

Зеленцова внезапно смутилась, чем удивила его ещё больше.

– Догадалась... По некоторым деталям гардероба. Разве я не права? – несомненно, она считала нападение лучшим способом избежать нежеланных расспросов. Феликс решил в этот раз её не разочаровывать.

– Права. Но мне не нужно было ничего объяснять. Римма не любопытна и не ревнива.

Девчонка фыркнула, явно не поверив.

– Что, тоже запрограммированная?

– Что? – он искренне не понял.

– Ну, что вы там делаете со своими приближёнными, что они не просто подчиняются любому безумию, но и расхваливают вас на все лады?

Он усмехнулся, различив в голосе Зеленцовой досаду. Всё же он напрасно не узнал в деталях, чем она занималась целый день. Похоже, времени зря не теряла. Неужели рассчитывала найти в его доме сочувствующего, который поможет ей сбежать?

– Я всего лишь люблю помогать людям, – серьёзно сообщил он, в душе искренне забавляясь реакцией Зеленцовой. – Иногда это бывает крайне полезно. Например, когда встречаешь парнишку, недавно вернувшегося из Чечни и умеющего только воевать. Учиться чему-то ещё нет времени, потому что молодая жена, с которой успели расписаться перед армией, уже год как родила и уже успела устать от нищенского существования в ожидании мужа, и теперь хочет от него заботы и стабильных денег. И вот он устраивается вышибалой в дешёвую забегаловку, а днём подрабатывает сторожем в магазине и уже начинает дуреть от этой беспросветности. Так вот, когда встречаешь такого парнишку, будет великодушно предложить ему непыльную высокооплачиваемую работу. Или когда видишь глупую девицу из ближнего зарубежья, которая подалась в столицу нашей родины в поисках нормальной работы, чтобы содержать оставшихся дома ребёнка и мать, а её сцапали прямо на вокзале, избили, чтобы сразу понимала, кто руко-

водит ситуацией, отобрали документы и поставили на трассу. Такие неприятности, знаешь, часто случаются с глупыми девицами, особенно если у них не наблюдается родни под боком. Но решить её проблему и предложить пусть немного пыльную, но тоже высокооплачиваемую работу будет опять-таки великодушно. И вот такие люди не предадут. Они остаются рядом не из страха и не только ради денег, а ещё потому, что, – Феликс соорил крайне серьёзное и растроганное лицо и проникновенно завершил: – хозяин очень, очень добрый и хороший.

Зеленцова несколько раз хлопнула глазами, переваривая его тираду. Губы чуть дрогнули, словно она не могла решить, ужасает её подобный цинизм или вызывает невольное восхищение своей практичностью.

– Вы ужасный человек, – наконец ошарашенно выдохнула она, но из-за промелькнувшей улыбки получилось совсем беззлобно и неубедительно.

– Звучит как тост, – он улыбнулся в ответ и отсалютовал девчонке бокалом.

Но та уже снова стала серьёзной.

– А папа? Как он стал у вас работать?

Вопрос его удивил. Ему казалось, что рвение, с которым Зеленцова стремилась не оставить смерть отца безнаказанной, должно говорить о более-менее доверительных и душевных отношениях между ними. Но вот оказывается, что она не знает о собственном родителе элементарных вещей.

– Если помнишь, лет десять назад твоей бабушке нужна была сложная операция на сердце. И если помнишь, она состоялась. В хорошей немецкой клинике, с последующим реабилитационным периодом...

– Вы дали папе деньги в долг? А потом предложили отработать? Знали, что папа тоже будет благодарен и не сможет потом уйти?

Феликс глубоко вздохнул. Едва речь зашла о семье, и девчонка снова нахохлилась, приготовилась за что-то сражаться.

– Инга, если ты не поняла, я никого из сотрудников не удерживаю силой. Ни под каким видом. И твоего отца тоже всё устраивало... Что, хочешь обвинить меня в своём безбедном детстве?

Девчонка явно закипала и была уже готова выйти из себя, но на его последней фразе вдруг грустно усмехнулась, мигом утрачивая весь запал.

– Знаете, счастливее всего мы жили, когда у нас ещё ничего не было, – задумчиво, словно обращаясь к самой себе, проговорила она. – Родители покупали сто грамм ирисок на троих, и мы делили их поровну. Мне даже в детстве не нравились эти конфеты – тягучие, слишком сладкие, липнущие к зубам. Но я так любила те дни, когда мы просто гуляли по парку с пакетом этих несчастных ирисок. В этом было что-то... Не знаю. Но больше у меня никогда не было похожего ощущения счастья... Ещё мы каждое лето ездили в Крым к маминой подруге. Она вышла замуж за южанина и всегда звала нас к себе на лето. У них было тесно, родителям стелили в проходном зале, а мне – на маленькой веранде. Там помещался только чайный столик и складное кресло, но там было так много света, и всегда пахло цветами... По утрам мы накладывали целую корзинку фруктов из сада тёти Оли и шли к морю. На набережной торговали всякой всячиной. Пирожками, лимонадом, мороженым... Мне хотелось всего, но родители всегда говорили: «В воскресенье купим». И я ждала этих воскресений, и это всегда был праздник... Иногда тётя Оля тайком подсовывала мне какое-нибудь лакомство и в другие дни. Это было нашей тайной. Мама улыбалась и делала вид, что ничего не видит... Мы много смеялись. Не помню уже, из-за чего, но никогда потом нам не бывало так весело...

Девчонка замолчала, и Феликс неожиданно для себя ощутил неловкость. Это слишком личное, дорогое для Зеленцовой признание явно сорвалось у неё случайно, под влиянием момента. И теперь он чувствовал себя так, будто подсматривал за чужой жизнью. И самое

неприятное, что ему было интересно. Наверное, надо было замять эту тему, но вместо этого он, потакая собственному любопытству, осторожно спросил:

– А потом? Когда Арсений начал зарабатывать, вы больше туда не ездили?

– Тётя Оля умерла, когда мне было семь лет. Там была какая-то страшная история... Странно, но я совсем не помню. Хотя мы как раз там были. Папа никогда не рассказывал мне подробностей, говорил: раз забыла – значит, так и надо, защитная реакция.

– Вот видишь. Семь лет... Твои хорошие воспоминания заканчиваются куда раньше, чем твой отец начал у меня работать. Ты просто была ребёнком и не видела проблем, которые всегда были в вашей семье.

Он что, оправдывается перед девчонкой? Да нет... Просто кто-то же должен вправить ей мозги. А то она, похоже, считает своё семейство образцово-показательным и готова списать все домашние неприятности на его счёт.

Взгляд Зеленцовой изменился, опять наполнился неприязнью.

– Наши проблемы вас не касаются.

– Ты права, – с деланным равнодушием кивнул Феликс и отодвинул опустевшую тарелку. – Ты ещё что-то хотела?

Девчонка замялась. Она явно не ожидала такого резкого перехода и не была готова перейти к делу. И всё же она быстро взяла себя в руки.

– Хотела... Хотела обсудить условия моего заключения. Почему мне нельзя гулять по саду?

Теперь, когда он уже видел, какой она бывает в естественной обстановке, её нервозность бросалась в глаза. Слишком упрямый взгляд, стиснутые руки... Ей явно был очень важен ответ.

– Тебе не хватило одной прогулки? – осведомился он, бросив выразительный взгляд на забинтованное плечо.

– Вы сами говорили, что собаки спускаются только на ночь. Я хочу гулять, что в этом плохого? Не думаете же вы, что я посреди белого дня смогу перебраться через ваш забор и ускользнуть от охраны?

– И всё же я не сторонник бессмысленного риска, если ты не забыла. Хочешь свежего воздуха – открой форточку.

Зеленцова прикусила губу, явно не собираясь сдаваться, но не зная, какие ещё подобрать аргументы.

– Сегодня днём вы предложили считать моё согласие на звонок маме сделкой, – наконец медленно проговорила она. – Завтра я должна решить все вопросы с деканатом, как вы хотите. Почему бы вам, в свою очередь, не назвать происходящее компромиссом и не пойти на ещё одну незначительную уступку?

Он усмехнулся, спрятав под этой снисходительной реакцией искреннее одобрение. Девчонка умела держать удар.

– Ты, случайно, не подумывала стать адвокатом? Похоже, переворачивать ситуацию в пользу нужной стороны – это твоё.

– Думала, – не стала спорить Зеленцова. – Но теперь смотрю на вас и думаю, что лучше быть прокурором.

Сказала и тут же прикусила язык. Видно, сообразила, что вышла из ампулы проникшейся своим положением, безобидной бедолаги.

– Что ж, раз уж ты знаешь слово «компромисс», давай-ка его применим. С завтрашнего дня ты можешь гулять. В сопровождении охраны.

Вытянувшееся от разочарования лицо Зеленцовой определённо стоило того, чтобы принять такое решение.

Глава 10

Ужин с Ветровым оставил странное впечатление. Вроде как она не потерпела полного поражения, и вообще стоило бы радоваться, что тот от угроз и физического воздействия решил перейти к сделкам и даже выслушивает её пожелания. И всё же в душе прочно поселилось ощущение, будто сегодняшнее достижение на самом деле таковым вовсе не является.

Дело было не только в неоправдавшихся надеждах, хотя, конечно, она немало рассчитывала на возможность свободно разведать территорию. Ингу не покидало чувство, будто разрешая ей гулять под присмотром надзирателя, Ветров откровенно издевался. Он сам не считал это уступкой, отлично поняв, что ей нужно было на самом деле. Но почему-то не ответил прямым отказом, а снова вступил в некую не понятную ей игру, формально пошёл ей навстречу.

Решил и на ней испытать хваленую «доброту господина Ветрова», от которой однозначно выигрывает только он сам? Вряд ли. Каким бы человеком Ветров ни был, неоправданной самоуверенности в нём не наблюдается. Он не может думать, что благодаря мелким псевдо-уступкам вызовет в ней расположение и сможет ею управлять. Да и не старался он вовсе изобразить душевность и сострадание. Нет, посыл был иной. Какой?

Он снова развлекался, как тогда с пистолетом? Ждал её реакции? Следующего шага? Кот и мышь... Ей ведь уже приходила в голову такая мысль!

Что ж, пока мышь шевелится, коту интересно, и у неё остаётся шанс. Получается, до сих пор она всё делала правильно. Только вот следует помнить, что рассчитывать можно лишь на себя. Коты не испытывают сострадания к пойманным жертвам, и если тем не удаётся убежать, финал такой игры всегда один.

Инга едва не забыла об этом сегодня за ужином. С самого начала всё пошло не сказать чтобы совсем не так, но всё же иначе, чем она ожидала.

Начать с того, что Ветров отреагировал на её появление в столовой самым неожиданным образом. Нет, она специально постаралась немного приодеться и выглядеть более-менее привлекательно, рассудив, что у красивых всегда больше шансов добиться того, чего хочется. Красота пробуждает симпатию. Она сама в детстве совершенно спокойно относилась к необходимости травить капустных гусениц, но если видела где-нибудь пострадавшую бабочку, переполнялась сожалением. Кто сказал, что друг на друга люди смотрят как-то иначе?

Но Инга никак не ожидала, что её маленькое преображение произведёт такой эффект. Ветров весь ужин почти не отрывал от неё глаз. Причём смотрел совсем не так, как раньше – не как на досадную помеху, не как на слабого, но докучливого противника... Инга не была искушена в вопросах отношений и не часто ловила на себе заинтересованные мужские взгляды, но всё же могла с уверенностью сказать, что этот взгляд был именно таким. Заинтересованным. Мягким, обволакивающим, изучающим и многообещающим... Но при этом не сальным, не наглым и навязчивым. От этого взгляда не хотелось отряхнуться, он не пугал и не вызывал неприятия. Наоборот...

Инга неожиданно для себя заметила, что при других обстоятельствах Ветров наверняка произвёл бы на неё впечатление. Такие мужчины притягивали её внимание, казались привлекательными. Элегантный, с отточенными аристократическими манерами, правильность которых сглаживалась лёгкой естественной небрежностью и не производила впечатление педантичности. Без малейшего намёка на выпирающий живот, крепкий, жилистый – без рельефной мускулатуры, которая встречается у завсегдатаев спортзалов, но без всякого сомнения обладающий внушительной скрытой силой. И самое главное, с таким острым, пронизательным взглядом, который, казалось, любого видит насквозь, и от этого немного не по себе, но в гораздо большей степени – интересно и... возбуждающе?

Собственная реакция обескуражила Ингу больше всего. Нет, она ни на мгновение не забыла о том, что из себя представляет сидящий напротив человек. Но ненадолго всё зло, которое он принёс её семье, вдруг перестало быть определяющим моментом их общения.

Ветров оказался обаятельным собеседником. Даже больше, чем просто обаятельным – Инга и раньше имела возможность заметить силу его энергетики, но до этого их разговоры сводились к открытому противостоянию, и она всегда была начеку, вся сосредотачивалась на том, чтобы не позволить себя подавить. В этот же раз они впервые разговаривали относительно мирно, и она немного расслабилась и сама не заметила, как поддалась заданному им настроению.

Улыбалась, выслушивая его циничные рассуждения! И даже в какую-то минуту подумала, что этот беззастенчивый, весёлый цинизм очень похож на почти мальчишескую хулиганскую бравату, и на самом деле Ветров наверняка искренне заботился о тех, кого брал под свою опеку. Конечно, не забывал о собственной выгоде, но всё же думал и о других.

Теперь подобная мысль казалась нелепой. Она просто приписала другому человеку – врагу, наркоторговцу и убийце! – собственный взгляд на мир. Сама не смогла бы хладнокровно использовать людей, да ещё и притворяться при этом благодетельницей, вот и решила, что тот тоже не из таких. Ужасная глупость.

И ладно бы на этом она опомнилась, но нет! Зачем-то принялась откровенничать, посвятила противника в дорогие душе воспоминания... Неизвестно, что ещё она захотела бы выложить, если бы Ветров не начал рассуждать об её семье. Это быстро привело Ингу в чувство.

Ветров явно не испытывал ни малейших угрызений совести, не считал себя хоть в чём-то виноватым, да ещё и принялся намекать, что все её счастливые воспоминания не что большее, чем детская иллюзия.

Подобные замечания всегда выводили Ингу из себя. Она не хотела думать о том, что её реакция объясняется как раз тем, что в таких словах была доля истины.

Инга рано начала чувствовать, что не была желанным ребёнком. Нет, никто и никогда не говорил ей чего-то подобного, её одёргивали и наказывали не больше, чем других знакомых детей, о ней заботились, иногда даже баловали... Но родителей мало интересовало, где и как она проводит время. Проголодалась? Ладно, сейчас накормим. Хочешь погулять? Ладно, иди. И никаких «лишних» вопросов и пожеланий – куда собираешься, с кем будешь играть, возвращайся засветло...

Зато она часто слышала разговоры родителей о сыне. Сначала, когда она была совсем маленькой, тон этих бесед был шутливым и радостным. Родители просто о чём-то разговаривали, смеялись, и в какой-то момент отец спрашивал: «Ну когда ты уже подаришь мне мальчишку?!» После этого они с мамой скрывались за дверью спальни, предварительно включив Инге мультики.

Позже в отцовском голосе прорезались нотки досады и разочарования, и мама, услышав обычные мечты, уже не стремилась его обнять и увлечь за собой. Они начали ссориться.

Самыми счастливыми моментами для Инги стали те недели, которые они проводили в Крыму у маминой подруги. Там её любили. В заботе тёти Оли не чувствовалось той формальной ответственности, которая проскальзывала у родной матери. Маленькую Ингу брали с собой в походы и на рыбалку, у неё спрашивали, что ей хочется на завтрак и на обед не просто так, а чтобы приготовить именно это блюдо. Да, ей не разрешали отходить далеко от дома, но в этом запрете было столько беспокойства, сколько она никогда не получала в разрешении родителей делать всё, что захочется.

А дома, когда родители оставались наедине – если не считать Ингу – всё становилось хуже и хуже. Они переругивались уже в открытую, и если смысл фраз для девочки часто оставался непонятным, то атмосфера взаимного отчуждения не могла пройти мимо неё.

Мама, и раньше достаточно равнодушная к дочери, совсем перестала обращать на неё внимание. Зато пристрастилась к вечеринкам и выпивке.

Когда отец начал приносить домой серьёзные деньги, это увлечение стало ещё более заметным. Именно с момента резкого обогащения Инга отсчитывала медленный конец их семьи. Отец тоже начал пропадать вечерами, совместные беззаботные посиделки окончательно сошли на нет.

Разговоры о сыне тоже прекратились. Наверное, отец утратил надежду когда-нибудь им обзавестись. Вместе с этим Инге стало доставаться больше внимания. Это не было проявлением родительской ласки. Просто у неё вдруг появилась масса обязанностей. В целом они все сводились к одному – не разочаровывать папу, быть достойной его внимания. Но нюансы иногда оказывались достаточно тяжелы для исполнения.

Инга должна была учиться на одни пятёрки, участвовать во всех школьных мероприятиях, увлекаться всевозможными дополнительными занятиями от шитья до вольной борьбы, никогда ни на что не жаловаться, всегда быть весёлой и доброжелательной... Тогда папа был доволен. Тогда она получала свою порцию похвалы и чувствовала себя нужной и любимой.

Инга старалась соответствовать всем ожиданиям. Не подводить. Быть идеальной дочерью. Такой, которой можно будет гордиться. Она окончила школу с золотой медалью, поступила туда, где желал видеть её отец...

Она всегда надеялась, что ещё немного – и он посмотрит на неё как на равную, станет разговаривать с ней без вечного оттенка снисходительности и насмешки. Отец многого от неё ждал, но никогда не воспринимал всерьёз. На все обиды Инги презрительно хмыкал: «Ты кто? Школьница? Полуфабрикат человека! Подрастёшь – тогда поговорим». Со временем «школьница» сменилась на «студентку», но Инга всё равно ждала, и была уверена, что рано или поздно сумеет заслужить безусловную любовь человека, который один из всех хоть сколько-нибудь ею интересовался.

Глава 11

Завтрак ей не принесли. Наверное, после вчерашнего ужина горничная решила, что теперь она постоянно будет есть в столовой. В компании Ветрова...

Нет уж, одного раза Инге хватило, и испытывать свою нервную систему снова она не намерена. Вчерашнее общение ясно показало, что в словесных интригах Ветров всегда одержит верх, и нечего рассчитывать перехитрить его и выторговать условия, которые можно будет использовать с толком для себя. Значит, надо искать другие пути, а с хозяином дома по своей инициативе больше не пересекаться.

Приняв решение, Инга устроилась у окна, прислушиваясь к доносящимся с улицы звукам. Она намеревалась дожидаться, когда Ветров уедет, и продолжить попытки достучаться до его приближённых. В этот раз она собиралась быть умнее и ни словом не порицать их работодателя, но при этом заставить хоть кого-нибудь увидеть в ней человека, а не только объект для присмотра.

Конечно, нечего и надеяться, что кто-то захочет и отважится устроить ей побег, но может, она хотя бы найдёт способ послать наружу весточку о своём настоящем положении?

Время шло, внизу было тихо, и Инга уже было подумала, что прозевала отъезд Ветрова и того давно нет дома. Однако стоило ей склониться к мысли, что пора отправиться на разведку, как дверь распахнулась сама. Похоже, кроме горничной никто в этом доме вежливостью не страдал.

– Ты решила поиграть в Рапунцель? – вместо приветствия осведомился Ветров, заходя в комнату. – Почему не выходишь?

Инга соскочила с подоконника, торопливо одёрнув платье.

– А что, я должна следовать какому-то регламенту? – вполне искренне удивилась она и сразу же не удержалась от безобидного маленького ехидства: – Меня не уведомляли о рекомендованном распорядке дня.

Претензия Ветрова была неожиданной и непонятной. Вообще он выглядел недовольным. Чем? Что ли, обиделся, что она предпочитает отсиживаться в одиночестве, а его общества искала вчера только ради того чтобы обратиться с просьбой? Чепуха какая! Если его и интересуется что-то, связанное с пленницей, то наверняка только одно – вопрос, как половчее от неё избавиться, чтобы и болтать больше не смогла, и искать не начали.

Может, неприятности на работе? Тогда почему он до сих пор дома, а не там?

– Ты обещала позвонить в деканат, – произнёс Ветров таким тоном, будто это решение действительно зависело от неё и она могла отказаться.

Кроме телефона Ветров принёс уже заготовленный бланк заявления на академический отпуск. Ей оставалось только расписаться и поставить дату.

– Корявенько выйдет, – с некоторым злорадством предупредила Инга. – Пальцы плохо слушаются.

Ветров чуть нахмурился, но сказал совсем не то, что она ожидала услышать.

– Не думай, что кто-то станет обращать внимание на такую мелочь как почерк. Особенно после твоего звонка. А кисть уже можно понемногу разрабатывать, быстрее восстановится моторика. Только аккуратно, плечо не беспокой.

– Спасибо... – обескураженно пробормотала Инга и запоздало прикусила язык.

С детства усвоенные правила вежливости требовали любой совет и проявление заботы встречать словами благодарности. Рефлекс сработал раньше, чем Инга успела подумать, что в данной ситуации это совсем не уместно. Быть благодарной ей здесь точно некому и не за что.

Стремясь скрыть неловкость, она чуть более требовательно, чем было бы уместно для пленницы, протянула руку к телефону.

– Твой энтузиазм не может не радовать, – не преминул отметить Ветров, в свою очередь иронично хмыкнув.

Благоразумно оставив реплику без ответа, Инга набрала нужный номер.

Договориться с деканом оказалось куда сложнее, чем с родной матерью. Тому явно не понравилось её стремление решить все вопросы по телефону, и на каждое вполне логичное, по мнению Инги, объяснение, находились новые возражения и расспросы.

Конечно, она ведь никогда не нарушала правил, даже лекций ни разу не пропускала. И теперь вдруг – отпустите-ка погулять на полгода, и заявление примите без личного присутствия.

Да, смерть отца, депрессия и рекомендации врача могли считаться достойными причинами. И, наверное, посчитались бы, если бы она минувшие две недели не продолжала посещать занятия, отпросившись только на день похорон. Инга делала это скорее по инерции, мало во что вникая и почти не замечая ничего вокруг. И всё же формального прилежания было достаточно, чтобы её теперешнее решение выглядело странным.

Сначала Инга даже воодушевилась, понадеявшись, что декан сможет заподозрить в её поведении что-то по-настоящему неладное, а не спишет его на простые капризы. Однако рядом с Ветровым, который напряжённо прислушивался к разговору, невозможно было намекнуть на то, что она говорит не по своей воле и нуждается в помощи. Декан всё больше раздражался, но даже не думал беспокоиться.

Наконец, когда уже донельзя вымотанная этим разговором Инга уверила, что к заявлению приложит справку от врача, которая подтвердит её острую потребность в срочном санаторно-курортном лечении, декан сдался. Не преминув напомнить, что она ещё до зимней сессии должна была участвовать в нескольких конференциях, и теперь ужасно всех подводит.

Единственным утешением Инге послужило нахмуренное лицо Ветрова. Похоже, для него добывание справки было заметной лишней проблемой, и он был совсем не рад, что пришлось вмешаться и подсказать узнице этот выход.

Воспользовавшись тем, что Ветров погрузился в размышления и не отобрал у неё сразу телефон, Инга снова просмотрела список пропущенных. Ничего интересного и внушающего надежду. Пару звонков от одноклассников, несколько эсэмэсок, суть которых сводилась к просьбам захватить на занятия тот или иной конспект и на которые вполне успешно ответил Ветров.

– Вы в молодости не подрабатывали секретарём? – стараясь, чтобы в голос не проскользнуло ни капли иронии, но всё же не сумев совсем промолчать, поинтересовалась Инга, изучая переписку. – Хорошо получается.

– А ты, я смотрю, учишься за всю группу? – не остался в долгу тот. – По-другому не получается налаживать отношения?

Инга вздрогнула. Он снова попал в точку. У неё действительно не получалось просто с кем-то дружить. Наверное, срабатывало вынесенное из семьи убеждение, что любую привязанность надо заслужить. Поэтому Инга всегда, начиная со школы, оказывала знакомым мелкие услуги – давала списать, решала соседний вариант задач на контрольных, помогала с рефератами. По мере её безотказности просьбы становились всё более крупными, и в какой-то момент Инга осознавала, что её просто используют. Это её не устраивало, и она сама разрывала отношения. Но при зарождении новой дружбы всё равно не могла избежать прежнего сценария.

– Давай сюда, – Ветров забрал телефон, не дав ей посмотреть последнее сообщение. – И переоденься, нечего сверкать ногами перед охраной.

Её платье длиной до середины колена даже с натяжкой нельзя было назвать вызывающим. Инга с недоумением посмотрела на Ветрова и не сразу нашлась с ответом. Однако тот и не дожидаясь её реакции.

Оставшись в одиночестве, Инга пожала плечами, но, немного подумав, всё же решила не демонстрировать протест по мелочам. Вчерашний наряд её тоже вполне устраивал, и у Ветрова к нему, кажется, претензий не было.

Глава 12

Он ещё не вышел из дома, а день уже не задался. Звонок в деканат прошёл не совсем по плану, хотя Зеленцова старалась. Поначалу он вообще напрягся, решив, что сейчас она уцепится за несговорчивость декана, начнёт мямлить и всячески наводить того на подозрения. И что тогда делать? Выхватывать телефон и обрывать разговор на полуслове? Не самый лучший вариант. На ходу грозить девчонке расправой? Ещё хуже. Расписывать последствия непослушания надо было до звонка, а не когда собеседник на другом конце провода ждёт внятных ответов.

Однако Инга сама оказалась достаточно здравомыслящей, чтобы заключить, что тут ей вряд ли стоит на что-то рассчитывать. Может, сообразила, что если в институте действительно обеспокоятся судьбой студентки, то первым делом свяжутся с её матерью. А подставлять ту под угрозу Зеленцова определённо не хотела.

В любом случае, говорила она убедительно и настойчиво, будто по доброй воле хотела повернуть аферу с отпуском. И всё же одним заявлением не обошлось. Конечно, раздобыть нужную справку для него особого труда не составит – достаточно обратиться к Кравцову, и прикормленный личный врач сам найдёт подходящего профильного специалиста и получит необходимый документ. Но круг лиц, осведомлённых о его специфическом интересе к Зеленцовой, сразу увеличится. Как бы не вышло так, что предложение Глеба использовать её как приманку претворится в жизнь само по себе. Феликсу это не нравилось.

Впрочем, если быть честным, настроение было ни к чёрту и до этого. Во время завтрака пустующий стул напротив то и дело привлекал внимание. Он привык есть один, но в этот раз что-то упорно казалось неправильным. Феликс не сразу сумел понять, что его возмущает, и это злило ещё больше.

Наконец он пришёл к выводу, что дело в выходящей за всякие рамки своевольности девчонки. Вчера он спокойно принял её непрошенный выход к столу, и она, видимо, решила, что теперь может вести себя как заблагорассудится. Безнаказанно нарушать его уединение, когда чего-то захочет, и прятаться по углам, продолжая демонстрировать непримиримость к врагу, когда ей ничего не нужно. Так она скоро совсем перестанет его опасаться и снова начнёт доставлять неприятности. Нет, она должна чувствовать, кто устанавливает порядки в этом доме, и не забывать об этом.

– Гостье больше еду в комнату не носить, – распорядился он, когда домработница заглянула в столовую, чтобы забрать опустевшие тарелки и поставить перед ним заварник с чаем. – Она уже хорошо себя чувствует и будет питаться в столовой.

Сам он пересмотрел недавнее решение и больше не был настроен избегать излишнего общения с Зеленцовой. Вчерашний ужин прошёл на удивление увлекательно. Наблюдать за попытками Инги – иногда вполне успешными – держаться в разговоре на равных было забавно. И за весь вечер его ни разу не побеспокоило мучительное сравнение.

В относительно мирной ситуации Зеленцова почти ничем не напоминала Лару. Та никогда, даже ради собственной выгоды, не стала бы вести с неприятелем светские беседы. Не стала бы хитрить и интриговать, чтобы добиться своего. Она всегда была прямолинейной до одури. И твёрдой, как скала. В Инге подобные черты просыпались только в критические моменты. В другое же время она стремилась не переломить ситуацию, а влиться в неё и по возможности подстроиться под себя. Пожалуй, её сила воли и стойкость поражали не меньше, но всё же заключались в другом.

Принятое решение ненадолго вернуло душевное равновесие, но потом его дёрнул чёрт зачем-то зайти в дежурку. Нет, на этот раз никто не манкировал своими обязанностями. Оба охранника сидели, внимательно уставившись в мониторы. Причём один, как и было приказано,

не спускал глаз с девчонки. Не спускал в самом буквальном смысле, что уже приказом не оговаривалось.

Ветров, зайдя, успел услышать обрывок одобрительного комментария насчёт ножек пленницы. Бросив взгляд на монитор, понял, что привлекло внимание служащего. Девчонка додумалась усесться на подоконник, согнув колени, и свободный подол платья спадал таким образом, что взгляду наблюдателя открывалось чуть больше, чем следует. И простор для фантазии оставался весьма неплохой.

Реплика охранника и интерес того к девчонке неожиданно взбесили Феликса. Если подумать, ситуация была вполне понятной и естественной. В доме и вокруг всё спокойно, к тому же днём никаких форс-мажоров обычно не бывает – дежурство скучное. А тут ещё не примелькавшееся лицо и, надо признать, довольно симпатичное. В конце концов, не за Джамилей же в её неизменных серых одеяниях почти до пола им подглядывать.

И всё же такая заинтересованность грозила ненужными сложностями. С Зеленцовой станется завести у него под носом интрижку, чтобы получить шанс на побег. В принципе, Феликс доверял сотрудникам, допущенным непосредственно в дом. И не думал всерьёз, что кто-то из них способен на предательство. Но несмотря на это, нервозность не отпускала.

Он даже всерьёз задумался о том, чтобы сообщить Зеленцовой о камерах. Остановило только то, что невозможно было угадать заранее, какие выводы она из этого вынесет. Постарается не привлекать к себе внимание или станет действовать наоборот. Поэтому Феликс ограничился замечанием о неуместности её наряда.

В клуб он приехал, всё ещё погружённый в размышления о домашних делах. Молотов встретил руководство с нескрываемым неодобрением.

– Скажи честно, тебя вообще интересует, что у тебя здесь происходит? Клиенты разбегаются, скоро и сотрудники начнут, а ты занимаешься чёрт знает чем!

Ветров предпочёл пропустить тон начальника охраны мимо ушей, отдавая себе отчёт, что действительно поступает не самым выгодным для дела образом, и тот на правах давнего приятеля имеет все основания выразить недовольство.

– Что выяснил? – коротко осведомился он.

– Танцовщица умерла от неправильной дозировки сердечного препарата. Поскольку она всегда была здорова, как лошадь, и никаких таблеток не пила, ясно, что ей что-то подмешали. Официантов и бармена опросили, все уверяют, что ничего подозрительного не замечали.

– С полицией всё уладил?

Молотов небрежно махнул рукой, словно вопрос вовсе не стоил внимания.

– Уладил. По официальной версии она умерла у себя дома. Несчастный случай. Ты не о том думаешь. Кто-то под тебя копает, и очень настойчиво. Если мы продолжим только замечать следы, скоро пойдём по миру.

Ветров одарил подчинённого тяжёлым взглядом. Всё было ясно и без дополнительных комментариев, вот только что с этим делать, до сих пор оставалось непонятно. И кто как не начальник охраны должен был во всём разобраться вместо того чтобы сыпать претензиями?

– С работниками клуба всё ясно, – скорее самому себе проговорил он, пытаясь нащупать какую-нибудь зацепку. – Если кто-то причастен, так просто не признается. Допрашивать с пристрастием всех подряд не станешь. Сейчас нет смысла дальше их трясти. Не удалось выяснить, кто обыскивал квартиру Зеленцовых?

Глеб отрицательно покачал головой.

– Зато известно, на что Зеленцов потратил украденные деньги.

Ветров заинтересованно приподнял брови.

– Купил любовнице квартиру в центре и маленький бизнес. Она беременна и иначе грозилась устроить скандал. Говорит, поначалу Зеленцов даже соглашался развестись с супругой и жениться на ней – пока не узнал, что будет девочка. После этого решил, что одной ему хватит

и уже выращенная дочь лучше крикливой малявки. Сказал, что ругаться с семьёй не намерен и согласился на затребованные отступные.

Феликс задумчиво побарабанил пальцами по столу. Непонятно к чему мелькнула мысль, что для Инги известие о том, что у её отца была тайная жизнь, наверняка оказалось бы серьёзным ударом. Однако он быстро отбросил сторонние размышления, снова сосредотачиваясь на деле.

Версия, что любовница Зеленцова была с кем-то в сговоре и целенаправленно подтолкнула управляющего к воровству, чтобы потом его шантажировать и заставлять вредить клубу, была заманчивой. Но маловероятной. Слишком замысловатая и ненадёжная схема. К тому же неприятности не закончились со смертью Зеленцова, а начались в другом месте. Вряд ли кто-то стал бы прорабатывать подобную цепочку несколько раз с разными людьми.

– Слежку за ней установили? – всё же поинтересовался он.

– Разумеется. Но, надо полагать, если бы она была причастна, то уже бы не жила. Судя по тому, как вовремя убрали Зеленцова, наши соперники умеют работать со свидетелями.

– Надо установить дополнительные камеры. В приват-комнатах в том числе...

– Если кто-то из посетителей узнает, будет скандал, – возразил Молотов. – Очередной. Хороший подарок нашим тайным неприятелям. И так репутация трещит по швам. Вообще, я не понимаю, почему ты так упёрся против ловли на живца? У тебя в руках хорошая наживка, а мы тыкаемся вслепую и до сих пор не продвинулись ни на шаг.

– Уже обсуждали! – недовольно отрезал Феликс. Желание друга пойти самым лёгким путём было понятным, но абсолютно неуместным.

– У тебя что, Лимский синдром? – нервно хохотнул Глеб. – Проникся судьбой несчастной сиротки? Или мордашка зацепила? Так попробуй уже девочку и успокойся!

– Ты берега не путай, – он проговорил это медленно и слишком спокойно – так, что знающему его человеку сразу становилось ясно: Ветров не на шутку разозлён. – Здесь я принимаю решения. Продолжай слежку за любовницей Зеленцова, установи дополнительные камеры и...

Он замолчал, осенённый новой идеей. Они сразу не придали этому значения, а ведь происшествие в «Золотой стреле» очень отличалось от тех, что случились в «Стране чудес». Там был размах, каждый раз поднимался серьёзный переполох. Тут же – одна жертва и один очевидец. Причём жертва – сотрудница клуба. Такое тоже случилось впервые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.